

Российская Социал-Демократическая
Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Декабрь 1902 года.

ИЗВЕЩЕНИЕ

ОБ ОБРАЗОВАНИИ «ОРГАНИЗАЦИОННОГО
КОМИТЕТА»¹.

Четыре года тому назад несколько русских социал-демократических организаций объединились в «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию», разработав некоторый план организации и общие принципы деятельности, изложенные в изданном партией «Манифесте»². К сожалению, эта первая попытка не увенчалась успехом: не было еще налицо необходимых элементов для создания единой, сильной социал-демократической партии, борющейся непреклонно за освобождение пролетариата от всех видов гнета и эксплуатации. С одной стороны, самые формы практической деятельности русской социал-демократии еще только складывались; недавно выступившая на путь борьбы социал-демократия еще искала путей для наилучшего проведения своих теоретических взглядов, она шла еще робкими, неуверенными шагами. Лежащее в основе ее деятельности рабочее движение, вылившееся в грандиозные стачки, только что вспыхнуло тем ярким блеском, который ослепил глаза многим, затмив для них столь ясные и определенные задачи и цели революционной социал-демократии, заставив увлечься узко-профессиональной борьбой. С другой стороны, непрестанные репрессии правительства, обрушиваясь на социал-демократические организации, еще не окрепшие, еще не успевшие пустить прочных корней, разрушали всякую преемственность, уничтожали всякие традиции в деятельности.

Однако, эта неудавшаяся попытка не прошла бесследно. Сама идея организационной политической партии пролетариата, руководившая нашими предшественниками, стала с тех пор путеводной звездой и желанной целью всех сознательных социал-демократических деятелей. В течение этих четырех лет делались неоднократные попытки осуществить эту завещанную нам первыми социал-демократическими деятелями идею. Но до сих пор мы все еще стоим перед нашей дезорганизованностью так же, как и четыре года тому назад.

А между тем жизнь предъявляет нам все большие и большие требования. Если первые деятели партии ставили своей задачей пробуждение дремлющих в рабочих массах революционных сил, то перед нами стоит гораздо более сложная задача — направить пробуждающиеся силы

туда, куда нужно, стать во главе этих сил и руководить ими. Мы должны быть готовы не сегодня-завтра услышать призывный клич: „Ведите нас, куда вы нас звали!“, и страшно, если этот миг застанет нас врасплох, столь же разрозненными, столь же неподготовленными, как в настоящий момент. Пусть нам не говорят, что мы преувеличиваем серьезность момента. Кто способен глядя дальше поверхности ряби, кто способен распознавать совершающийся в глубине процесс, тот не заподозрит нас в преувеличении.

Но серьезность положения усугубляется еще другими обстоятельствами. Мы переживаем знаменательный исторический момент. Пробуждение рабочего класса в связи с общим ходом русской жизни вызвало к деятельности различные общественные слои. С большей или меньшей сознательностью они стремятся организовать, чтобы так или иначе примкнуть к борьбе с отжившим режимом. В добрый час! Социал-демократия может только приветствовать всякого примкнувшего к такой борьбе. Но она должна зорко следить за тем, чтобы подобные союзники не сделали ее молотом в своих руках, не отодвинули ее от главной арены деятельности, не лишили руководящей роли в борьбе с самодержавием и, главное, не повредили бы поступательному ходу революционной борьбы, отклонив ее от правильного пути. Что подобная опасность не призрак воображения — ясно для всякого, внимательно следившего за революционной борьбой последних лет.

Итак, в настоящий момент перед русской социал-демократией стоит громадная задача, которая не по плечу никаким местным комитетам, никаким даже районным организациям. Как бы совершенны ни были местные организации, они не смогут справиться с этой задачей, ибо она уже переросла местные рамки. Она может быть выполнена только коллективными силами всех русских социал-демократов, сплоченных в одну централизованную, дисциплинированную армию. Но кому же взять на себя инициативу объединения?

Вопрос этот обсуждался в прошлом году на конференции³ представителей: Петербургского Союза Борьбы⁴, Центрального Комитета объединенных южных комитетов и организаций⁵, организации «Искры», Центральных Комитетов (русского и заграничного) «Бунда», Союза Русских Социал-Демократов за границей и некоторых других организаций. Конференцией поручено было представителям некоторых организаций образовать организационный комитет, который взял бы на себя задачу фактического восстановления Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Во исполнение этого постановления представители: Петербургского Союза Борьбы, организации «Искры» и груп-

пы «Южного Рабочего»* образовали «Организационный Комитет», который ставит своей первой и главной задачей подготовку условий для созыва партийного съезда.

Но в виду того, что дело созыва съезда представляется в высшей степени сложным и требует для своего осуществления значительного времени, Организационный Комитет впредь до восстановления центральной организации партии берет на себя выполнение некоторых общих функций (выпуск общерусских листков, общий транспорт и техника, установление связей между комитетами и проч.).

Само собою разумеется, что Организационный Комитет, возникший по частной инициативе некоторых организаций, находится в обязательных отношениях только к тем организациям, которые его уже уполномочили или дадут свои полномочия. Для всех же прочих Комитетов и групп он представляет частную организацию, предлагающую им свои услуги.

Велика и ответственна задача, которую решает взять на себя Организационный Комитет, и если он все же дерзает сделать это, то лишь потому, что необходимость объединения слишком настоятельна, разброд слишком дает себя чувствовать, дальнейшая дезорганизованность слишком угрожает общему делу. Приступая к деятельности, Организационный Комитет полагает, что успешность этой деятельности в значительной степени будет обуславливаться отношением к нему социал-демократических комитетов и организаций, и само это отношение будет для него критерием того, насколько правильно оценил он настоящий момент.

Организационный Комитет.

Печатано в типографии Организационного Комитета.

* * *

Заявление вновь образовавшегося Организационного Комитета нашей партии достаточно ясно говорит само за себя, и нам нечего тратить много слов о важном значении сделанного шага. Объединение, восстановление целостности партии — самая насущная, настоятельно требующая немедленного решения задача русских социал-демократов. Эта задача очень трудна, потому что нам нужно не объединение нескольких кучек революционно настроенных интеллигентов, а объединение всех руководителей рабочего движения, поднявшего к самостоятельной жизни и борьбе целый широкий класс населения. Нам нужно объединение на почве строгого принципиального единства, к которому должны сознательно и твердо притти все или громадное большинство комитетов, организаций и групп, интеллигентов и рабочих, действующих в различной обстановке, при различных условиях, пришедших иногда самыми различными путями к своим социал-демократическим убеждениям. Такого объединения нельзя не только декретировать, его нельзя и создать сразу, одними резолюциями собравшихся делегатов, его надо систематически и исподоволь подготовить и выработать,

* «Бунду» также было предложено прислать своего представителя в Организационный Комитет, но по неизвестным нам причинам Бунд не отозвался на это приглашение. Надеемся, что причины эти были чисто случайные, и Бунд не замедлит прислать своего представителя.

так, чтобы съезд всей партии закреплял и исправлял уже сделанное, продолжал начатое, заканчивал и формально утверждал прочный фундамент для дальнейшей, более широкой и глубокой работы. И мы особенно приветствуем поэтому разумно-осторожный и скромный приступ О. К. к своей работе. Не претендуя ни на какие обязательные отношения ко всей массе русских социал-демократов, О. К. ограничивается тем, что предлагает свои услуги всем им. Пусть же все русские социал-демократы без исключения, комитеты и кружки, организации и группы, люди, состоящие на действительной службе, и временно отставные (ссылные и т. п.) поспешат ответить на этот призыв, постараются завязать непосредственные и живые сношения с О. К., примутся самым энергичным образом за активную поддержку всей громадной объединительной работы. Нам надо добиться, чтобы не было ни одной группы русских социал-демократов, которая не была бы связана с О. К., которая бы не работала в товарищеском единении с ним. Далее, считая своей первой и главной задачей подготовку и созыв общепартийного съезда, О. К. берет на себя и некоторые общие функции по обслуживанию движения. Мы уверены, что не найдется ни одного социал-демократа, который бы не признал настоятельной необходимости этого расширения функций О. К., ибо это есть лишь расширенное предложение услуг, — предложение, которое идет навстречу заявленным уже тысячи и тысячи раз запросам, — предложение не отказываться от каких-либо «прав», а отказаться лишь поскорее на практике от обособленности, взяться сообща за постановку ряда общих предприятий. Наконец, мы считаем также совершенно правильным и уместным решительное заявление О. К., что дело созыва съезда представляется в высшей степени сложным и требует для своего осуществления значительного времени. Это отнюдь не значит, конечно, чтобы созыв съезда откладывался. Ничего подобного. Если говорить о настоятельности съезда, то мы признали бы и месячный срок для его созыва чересчур «значительным». Но если вспомнить наши условия работы и необходимость серьезного представительства всего движения на съезде, то и срок впятеро, вдесятеро больший не заставит еще притти в уныние ни одного сколько-нибудь опытного работника.

Пожелаем же всякого успеха делу скорейшего объединения и восстановления партии, докажем свое сочувствие не только словами, но и немедленными делами всех и каждого, и да здравствует русская, да здравствует международная революционная социал-демократия!

[Н. Ленин]

ЗНАЧЕНИЕ РОСТОВСКОЙ СТАЧКИ.

Всякий новый шаг, сделанный русским пролетариатом на пути своего политического развития, вызывает в нашей революционной среде новые споры по тактическим вопросам. Это вполне естественно и очень хорошо. Естественно — потому, что новые шаги рабочего движения служат для нас новыми «уроками жизни», а уроки жизни настоятельно требуют своего истолкования. Хорошо потому, что тактические споры содействуют этому истолкованию и тем избавляют нас, по крайней мере, от не-

которых практических ошибок и от тяжелых разочарований, неизбежно следующих за практическими ошибками. «Практика» — великая и ничем незаменимая вещь. Но сама по себе она еще ровно ничему не учит. Чтобы пользоваться ее указаниями, надо уметь замечать и понимать их.

О недавних ростовских событиях много и горячо спорят теперь русские революционеры. Мы от души радуемся этим спорам, но мы позволим себе заметить, что иное дело судить о каком-нибудь общественном явлении, а иное дело судачить по его поводу. Судаченье бесплодно по самой природе своей. Оно не только ничего не выясняет, но, напротив, затемняет даже и то, что было ясно с самого начала. К сожалению, о ростовских событиях многие именно не судят, а судачат, и это очень, очень жаль, ибо эти события заслуживают самого серьезного внимания.

Результатом судаченья являются, между прочим, те обвинения, которые выдвигаются против нашего Донского Комитета. Эти обвинения подчас поистине комичны. Так, например, один «интеллигент» (как видно, весьма неинтеллигентный) публично (т. е. на большом собрании революционеров) упрекал названный Комитет в том, что тот не поддержал группы молодых людей, явившихся с революционными песнями на одно из первых собраний стачечников. Перед такими упреками можно не останавливаться. Всякий дельный революционер без труда поймет, что бывают положения, когда агитаторам совсем не до песен. Но есть обвинения, имеющие более серьезную видимость.

Некоторые сторонники политической агитации находят, что Донской Комитет дурно поступил, не воспользовавшись волнением ростовской рабочей массы для устройства демонстрации. А иные идут так далеко, что приписывают ему, на этом основании, склонность к печальной памяти «экономизму». Перед этим обвинением нельзя не остановиться, так как оно не только несправедливо, но и способно посеять ряд самых опасных тактических недоразумений.

Несправедливость его состоит в том, что оно совершенно неверно изображает дело. Демонстрация в Ростове была и притом очень величественная и необычайно продолжительная. Она началась в четверг, 7 ноября, и окончилась только в следующий четверг, т. е. в тот день, когда состоялось последнее массовое собрание под открытым небом. Число участников этой величественной и необычайно продолжительной демонстрации, разумеется, не оставалось неизменным, но, несмотря на все колебания оно было очень велико, временами достигая до 20 и даже до 30 тысяч. Таких демонстраций у нас еще никогда не бывало, и вот почему ростовские события составляют эпоху в истории нашего рабочего движения. Не понимать этого могут только те, которым вообще не ясны значение и задачи нашей агитации в рабочей массе.

Обвинителей ввела в ошибку внешность явления. Они привыкли думать, что уличное шествие составляет необходимый признак демонстрации, и потому, услышав, что в Ростове уличного шествия не было, они умозаключили, что не было и демонстрации. Но названное шествие вовсе не составляет необходимого признака демонстрации. Его не было во время демонстрации перед Казанским собором в 1901 г.; его не было и во время демон-

страции перед тем же собором в декабре 1876 года. Скажут ли нам, что тогда не было и демонстраций? Наконец, если бы ростовские народные собрания под открытым небом и не были демонстрациями в собственном смысле этого слова; если бы нам доказали, что их правильнее назвать, например, митингами для выражения народного недовольства, то мы и в этом не видим беды. Шекспир говорит где-то, что как бы мы ни назвали розу, она не утратит своего запаха. О ростовских собраниях мы скажем, что какое бы имя мы им ни дали, мы все-таки должны будем признать, что они имели колоссальное влияние на развитие классового самосознания ростовских рабочих. А развитие классового самосознания в рабочем классе и есть та великая цель, которую мы преследуем в своей агитации, и если Донской Комитет достиг ее, не прибегая к демонстрации, то от этого не уменьшилась его заслуга. Обвинители говорят, что Донской Комитет должен был вести собравшихся «в балке» рабочих в город. Но мы не понимаем, почему это было обязательно. Зачем было идти из «балки» в город, когда весь город шел «в балку»? Почему Магомет непременно должен идти к горе даже в том случае, когда гора сама идет к Магомету? Агитация агитации рознь. Есть агитация, плодотворная с точки зрения социал-демократов, и есть агитация, полезная с точки зрения других партий, например, анархистов или так называющих себя социалистов-революционеров. Агитацией занимались люди, говорившие политические речи собравшимся «в балке» ростовским рабочим. И агитацией занимались бы люди, которые воспользовались первым загородным собранием рабочих для того, чтобы вести их в город. Но между тем как огромные собрания «в балке» послужили превосходнейшей школой политического воспитания ростовского пролетариата, демонстративное движение в город могло бы закончиться таким столкновением с военной силой, на которое потрагилась бы вся энергия совершавшегося тогда массового движения и которое не только не подвинуло бы вперед самосознания массы, но надолго задержало бы его развитие. С точки зрения социал-демократии, такое столкновение было бы вредно. Мы должны не бояться жертв, когда они полезны для дела, но мы обязаны избегать их, когда они не приносят пользы делу или даже — как было в разбираемом случае — отодвигают его далеко назад. Но если бы мы не были социал-демократами, если бы неизменным критерием в наших суждениях нам не служил вопрос о том, как повлияет данный шаг революционеров на развитие классового самосознания рабочего класса, то мы рассуждали бы иначе. Мы твердили бы: «надо идти в город». А если бы шествие в город закончилось кровавой неудачей, мы сказали бы: вот новое доказательство того, что демонстрации ни к чему хорошему не ведут. Да здравствует террор! Да здравствует «боевая организация», которая завоеует рабочему классу политическую свободу! (ср. опубликованные «Рев. Росс.» письма Кочура). По-своему мы были бы очень логичны, но наша логика не имела бы ничего общего с логикой освободительного движения пролетариата.

Колоссальные ростовские собрания «в балке» не только представляют в своей совокупности чрезвычайно внушительную демонстрацию, но и свидетельствуют о том, что наша политическая агитация может и

должна войти теперь в новую необходимую и плодотворную фазу.

До сих пор у нас и в демонстрациях обыкновенно обнаруживалось то разделение и та отчужденность «героев» от «толпы», которые были в одно и то же время и следствием и причиной слабости нашего революционного движения. «Герои» прохаживались перед «толпой», крича: «Долой самодержавие!», махая красными флагами и, по мере возможности, отбиваясь от полицейских бандитов. «Толпа» прислушивалась к «возмутительным» возгласам «героев», читала надписи на красных флагах, более или менее сильно возмущалась полицейскими зверствами и более или менее громко выражала свое сочувствие демонстрантам. Но дальше этого дело не шло или шло очень редко. Чаше всего «толпа» оставалась сама по себе, а «герои» сами по себе, и именно потому, что эти последние оставались сами по себе, им приходилось со стыдом уступать первому серьезному натиску со стороны полиции. А это приводило их к сомнению в целесообразности демонстраций как агитационного средства. Они — или, по крайней мере, некоторые из них — говорили себе и другим: «стоит ли выходить на улицу для того, чтобы после самого непродолжительного сопротивления улепетывать от полицейских кулаков и казацких нагаек? Не лучше ли, не целесообразнее ли давать единоличный отпор наиболее зарвавшимся царским опричникам?» И многим начало казаться, что поступать так будет действительно лучше и целесообразнее. А раз они приходили к этому убеждению, — они начинали смотреть на так называемый (на самом деле никого не пугающий) террор как на самое действительное средство революционной борьбы, приписывая демонстрациям лишь второстепенное, подчиненное значение. А террор роковым

образом привел бы к еще большему отчуждению «героев» от «толпы» и к еще большему ослаблению сил «героев». Таким образом, весь ход нашей политической агитации неизбежно приводил нас к следующему противоречию: в интересах развития политического самосознания в массе мы должны были прибегать к демонстрациям, а прибегая к демонстрациям, мы, против всякого ожидания, укрепляли то настроение в революционной среде, в результате которого явился бы фактический отказ от непосредственного воздействия на массу. Разрешить это противоречие можно было только одним путем: путем устранения той причины, которая вызывала слабость сил демонстрантов. А так как эта причина заключалась в том, что демонстрации были делом не «толпы», а одних только «героев», то нужно было, чтобы «герои» перестали существовать в качестве отдельного от «толпы» элемента. Другими словами, необходимо было придать демонстрациям массовый характер. На эту необходимость мы указывали еще в № 14 нашего органа.

И вот ростовские события показали, что мысль о слиянии «героев» с «толпой» не имеет в себе ничего несбыточного. В ноябре прошлого года в Ростове-на-Дону не было ни «героев», ни «толпы», а была огромная многотысячная масса рабочих, неудержимо рвавшаяся в новую сознательную жизнь и готовая самоотверженно бороться со своими угнетателями и усыпителями. «Герои» исчезли в «толпе», «толпа» слилась с «героями». Она сама прониклась героическим самосознанием и потому перестала быть «толпою», превратившись в сознательный отряд сознательной армии международного пролетариата.

И как только состоялось это превращение, сейчас же всем стало ясно, что теперь полицейские бандиты совсем

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО.

I. Небольшая историческая справка.

В № 8 «Революц. России» в статье «Из партийной деятельности» мы читаем:

«Массовые волнения крестьян в Полтавской, Харьковской и других губерниях выдвинули и поставили ребром перед всеми русскими революционерами вопрос о воздействии революционных организаций на крестьянство. Теперь не остается уже места для каких-либо сомнений в необходимости, возможности и целесообразности этого воздействия. Даже те течения русской революционно-социалистической мысли, которые прежде категорически отрицали возможность и целесообразность работы в крестьянстве, теперь начинают признавать насущную необходимость ее».

Недавние крестьянские волнения действительно придали новый интерес вопросу о практических задачах социалистов в русской деревне. Это само собою понятно и этого никто оспаривать не станет. Но именно потому, что названный вопрос приобретает теперь новый интерес, полезно хорошенько выяснить себе, как решался он русскими социалистами в прежнее время. И прежде всего следует спросить себя, какие именно «течения русской революционно-социалистической мысли» отрицали

у нас «возможность и целесообразность работы в крестьянстве». Что говорит об этом «Рев. Россия»?

Она говорит вот что: «Партия социалистов-революционеров и те организации, которые объединились в ней, всегда ставили одной из основных задач своей деятельности — революционизирование деревни и приобщение крестьянства к общему социально-революционному движению. В этом и состояло одно из самых основных ее отличий от соц.-демократических организаций, в этом и заключался один из самых основных пунктов разногласий с ними. Признание необходимости и своевременности планомерного революционного воздействия сплошь и рядом делало для соц.-революционеров даже во времена их крайней численной слабости практически невозможным войти в те соц.-демократические группы, с которыми вместе приходилось все время работать, и развиться в них. Приходилось отделяться и начинать самостоятельное дело».

Кажется, ясно. Именно русская соц.-демократия была тем течением, которое прежде «категорически отрицало» возможность и целесообразность деятельности между крестьянами. И в этом состояла черта, отличавшая нашу соц.-демократическую партию от соц.-революционеров, «всегда» (курсив «Рев. Росс.») имевших непреодолимое влечение к названной деятельности. «Рев. Росс.» не упускает случая поставить читателям на вид эту счастливую особенность своей «партии» и не пере-

не так сильны и страшны, как были прежде. «Боишься ли мы атамана?» спросил один из ораторов у рабочих, собравшихся на балке. — «Нет, не боимся!» — дружно отвечали рабочие. — «Стало быть, мы будем продолжать наше собрание?» — спросил он опять. — «Да, будем продолжать!» — как один человек отвечала вся огромная масса. И собрание продолжалось на глазах у удивленных и испуганных бандитов полицейского «порядка», которые должны были понять тогда, — если они еще не совсем утратили способность понимания, — что на общественную сцену России выступает новая, могучая сила.

Если дело приняло такой счастливый и многозначительный оборот, то этим мы в значительной степени обязаны находчивости, благоразумию и такту нашего Донского Комитета, который сумел избежать тактических односторонностей и извлечь из событий наибольшую долю того, что можно было извлечь из них для политического воспитания рабочих. Этим он оказал нашему движению большую услугу. И чем скорее распространится в русской социал-демократической среде сознание важности этой услуги, тем более очевидно станет для каждого из нас, до какой степени неосновательны нападки*, сыплющиеся на Донской Комитет со стороны тех людей или даже целых направлений, у которых очень слаба сила суждения, но зато очень сильна потребность судачить.

Да, ростовские события открыли собою новую эпоху, эпоху массовых демонстраций. Демонстрации «героев», прохаживающихся перед «толпой», отжили свое время и утратили свое значение. Теперь демон-

* Эта статья была уже набрана, когда мы получили № 15 «Рев. России», дающий замечательные образчики этих неосновательных нападок.

стает, как говорится, шпынять русских социал-демократов за их пренебрежение к крестьянству.

«Тяжелы были условия, — сочувственно повествует она, — при которых приходилось начинать и вести эту работу. Сверху, с высот теорий и программ, громко и решительно заявлялось о невозможности и даже нецелесообразности какой бы то ни было революционной работы в крестьянстве. В 1896 г. на Лондонском конгрессе, перед лицом международного пролетариата, представители русской социал-демократии, одни составлявшие всю русскую секцию конгресса*, торжественно заявили, что при современных политических условиях русским революционерам нечего и думать о воздействии на сельское население. Манифест² Росс. Соц.-Дем. Партии 1898 г. ни словом не затрагивает вопроса о работе среди крестьянства, как будто последнего совсем и не су-

* В примечании «Револ. Росс.» поясняет: «Представитель „Союза соц.-рев.“ тогда не был ими допущен на конгресс, а представитель „Группы старых народолюбцев“ удалился в виде протеста против этого исключения». Это неправда: представитель «Группы старых народолюбцев» удалился совершенно по другому поводу, что же касается представителя «Союза соц.-рев.», то он явился с мандатом, подписанным лишь несколькими иностранными русскими студентами, и был «не допущен» (конгрессом, а не только русскими соц.-демократами) именно потому, что не представлял ничего серьезного. Об этом см. брошюру Г. Плеханова «Новый поход против русской соц.-демократии».

страции должны быть массовыми или их вовсе не должно быть. Говоря это, мы ни на минуту не забываем о том, что массовые движения не могут быть вызываемы по произволу той или другой революционной организацией. Они подготовляются общим ходом социального развития. Но люди, понимающие ход этого развития, могут способствовать его ускорению. В том и состоит отличие социальной демократии от других политических партий, что ее деятельность является сознательным выражением бессознательного общественного процесса, который делает из пролетариата передовую общественную силу. Раз мы убедились в том, что теперь начинается эпоха массовых демонстраций, мы должны сообразно с этим убеждением направить всю свою подготовительную агитационную работу. «Искра» уже указывала на агитацию в студенческой среде как на такую, которая в известной мере может служить образцом для агитации в среде пролетариата. Студенческим «волнениям» последних лет предшествовала обыкновенно систематическая, подготовительная работа, выяснявшая смысл начинавшейся борьбы и значение выставляемых требований. Известно, что даже и такая систематическая работа не приводила к полному единодушию между студентами. В их среде всегда находились элементы, относившиеся к движению несочувственно или просто равнодушно. Это неудивительно: такие элементы найдутся всегда и везде. Но важно то, что благодаря систематической подготовке движения к нему присоединялись все студенты, по своему умственному развитию и по своим нравственным свойствам способные к нему присоединиться. Студенческое движение располагало, вследствие этого, наибольшим числом тех сил, которыми оно могло располагать. И потому с ним так трудно было справиться.

существует. И неудивительно, ибо съезд южно-русских соц.-дем. организаций, состоявшийся в январе 1902 г.⁶, можно сказать, накануне грандиознейших крестьянских волнений на юге России, совершенно не считал нужным поставить в программу своих занятий вопрос об отношении к крестьянству, опять-таки, как будто его и не бывало.

Перечислив прегрешения русских социал-демократов перед крестьянством, «Рев. Росс.» замечает: «Эти примеры достаточно ярко показывают, что на крестьянство смотрели как на *quantité négligeable*, как на чистый нуль в политическом отношении. В лучшем случае работа в крестьянстве лишь допускалась и то лишь для лиц, силою обстоятельств прикрепленных к деревне».

Мы скоро увидим, насколько в самом деле «ярки» приведенные «Рев. Росс.» примеры. Теперь же скажем, что они ни в каком случае не «достаточно» характеризуют взгляды русских социалистов на крестьянство. Для полноты картины «Рев. Росс.» должна была бы несколько подалее заглянуть в прошлое и вспомнить, как смотрело на работу в крестьянской среде «течение», непосредственно предшествовавшее у нас соц.-демократии. Так как она почему-то не пожелала или не сумела сделать эту историческую справку, то мы вынуждены взяться за нее сами.

Еще в 1879 г., — т. е. в то время, когда русская соц.-демократия не существовала даже и в зачатке, — в пер-

А то политическое движение, которое должно увлечь за собой все живые элементы пролетариата, до сих пор увлекало только незначительный его слой, между тем как другие его слои оставались неподвижны, несмотря на то, что и в них накопился уже не малый запас революционной энергии. До них не достигали политические призывы социальной демократии, и потому они не давали на них никакого отклика. А этим неизбежно обуславливалась слабость нашего политического движения. Чтобы устранить ее, нам нужно подготовить свои демонстрации так же старательно, как подготавливает передовое студенчество свои «волнения» в среде учащейся молодежи. Нам нужно звать на борьбу все те элементы рабочей массы, которые уже способны примкнуть к ней. В этом случае нам помогут «возмутительные воззвания», если только мы сумеем — а мы обязаны суметь — придать им действительно массовое распространение. Наконец, нам необходимо способствовать развитию тех элементов пролетариата, которые еще не пробудились от своей политической дремоты. Это — наши товарищи будущего времени. Сегодня они еще боятся «политики» и потому неохотно слушают политических агитаторов. Но скоро, — может быть, не далее как завтра, — они поймут, что «политика» социал-демократии есть политика их собственных, насущных и осознанных классовых интересов, — и тогда они будут отвечать восторженным «ура!» на наши политические речи. А чтобы им стал понятен смысл нашей «политики», мы, принимаясь за агитацию в их среде, должны исходить именно из насущных и осознанных интересов, всеми силами стараясь, в то же время, обнаружить противоречие этих интересов с интересами существующего порядка. Ростовские события показали, между прочим, что при умелом ведении дела нас ждет

здесь верный и скорый успех. А успех означает в этом случае не более, не менее как то, что к революционной армии постоянно будут примыкать свежие, все более и более густые, все более и более многочисленные колонны, и политическая борьба, начатая «революционной бациллой», все более и более будет становиться массовым движением, борьбой целого класса.

Много тяжелой работы предстоит нам впереди! Но это-то и хорошо! Даром ничто не дается, а наша тяжелая работа быстро приближает нас к нашей великой цели. Весело жить в такое время!

[Г. Плеханов]

НЕУДАЧНЫЙ ДЕБЮТ.

Как и следовало ожидать, с переводом Зубатова в Петербург, Петербург будет лицедрать зубатовские собрания рабочих по типу московских. Союз московских рабочих механического производства⁷ так удачно поставлен был при самом начале, притом при особом участии московских профессоров, что он слишком заманчиво рисовал Зубатову перспективу петербургских рабочих собраний. В Москве протак-рабочий думал и даже думает: все это, мол, для нашего блага; а протак-профессор думает: вот, мол, наконец, и мы призваны указать, как следует встать на слабые ножки нашему некультурному рабочему, и тогда-то пошли поучения, наподобие тех, что не потому, мол, мельничное колесо стоит, что воды нет, а потому, что мельник некультурен и не понимает, что такое гигиена. Ловко была задумана махинация Зубатовым, но не всегда и всюду ее легко удастся проводить в жизнь без всякой задоринки. Мы знаем, что жандармскому полковнику Васильеву не повезло с подобными собраниями. Это — благодаря неумению поставить дело, думал Зубатов, и вот теперь он сам чуть не плачет от неудачи первого выхода, да и есть от чего.

Вернемся к началу предприятия.

вом же номере «Нар. Воли» (выходившего в России органа очень известной партии того же имени) была весьма «категорически» высказана та мысль, что при современных наших политических условиях работать в народе значит биться, как рыба об лед. «Нар. Воля» тогда же заявила, что она считает себя обязанной настойчиво повторять эту мысль, разделяя то мнение Прудона, что повторение служит незаменимым средством распространения истины. И она, действительно, «категорически» повторяла ее каждый раз, когда ей приходилось формулировать свой взгляд на практические задачи русских революционеров. И чем более распространялись в нашей революционной среде идеи «Партии Нар. Воли», тем более «категорическим» становилось отрицательное отношение ко всяким попыткам агитационной и организационной деятельности в крестьянстве. Это знает всякий, кто хоть немного знаком с историей нашего революционного движения. И это подтверждается «народовольческой» литературой. «Привлечение в организацию отдельных лиц из крестьянства, способных к ней примкнуть, — говорит «Календарь Народной Воли», — конечно, всегда признавалось очень желательным... Но что касается организации в настоящее время в массе крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы* совершенной фантазией, и, если не ошибаемся, дальнейшая прак-

тика не могла изменить в этом отношении мнений наших социалистов*.

Эти строки «достаточно ярко показывают», что «Партия Нар. Воли» смотрела на крестьянство как на *quantité négligeable*, как на чистый нуль в политическом отношении. Они показывают также — и не менее «ярко» — что если русская соц.-демократия в самом деле всегда смотрела на работу в крестьянской среде как на безусловно бесполезную трату революционных сил (мы еще посмотрим, в какой мере справедлив этот упрек), то в этом случае она совершенно сходилась со своей предшественницей, «Партией Нар. Воли», и что, следовательно, сваливать вину такого взгляда исключительно на русские соц.-демократические «программы и теории» значит жестоко искажать истину. «Р. Росс.» именно и предается такому искажению. Очень может быть, что она делает это совершенно неумышленно. Но невежество — плохое извинение.

Факты, приведенные нами, «достаточно ярко показывают» еще и то, что на лондонском международном социалистическом конгрессе представитель «Группы старых народовольцев» отнюдь не мог бы разойтись с русскими соц.-демократами по вопросу о своевременности революционной работы в крестьянской среде, если бы только он остался верен взглядам старей «Партии Нар. Воли».

* Речь идет о программе «Партии Нар. Воли».

* Календарь, стр. 129, примечание.

Пионерами зубатовщины в Петербурге являются: Горшков (работает на заводе Растеряева), Пикунов (на заводе Лемериха), Старожилов (на заводе Леснера), Устюжанин (тоже), Кузьмин (тоже), Солодовников (на Обуховском заводе), Соколов (московский рабочий, без дела, живет на средства моск. раб.), Егоров, Пахомов, Семенов, Одинцов. Хлопотали они об этом давно, и Горшков ездил в Москву знакомиться с этим делом и, очевидно, суть московских собраний понимает в духе Афанасьева. Как смотрит на это дело Соколов, мы знаем по его деятельности в Москве: он самый крайний и ярый ненавистник интеллигенции, и на первых же собраниях здесь он говорил против интеллигенции, причем, конечно, старался говорить так, что своя своих не познаша: приводит для примера какого-нибудь буржуа-прохвоста и потом называет его интеллигентом. При помощи таких примеров стараются зубатовцы натравить на истинную интеллигенцию, и им в этом деле помогают те же узкодумцы, иногда ради какого-либо крестика. Конечно, теперь уже и речи быть не может о том, что зубатовщину не всякий поймет сразу. Горшков резюмировал свою мысль на одном собрании так: «Мы обязаны передавать в руки полиции всех, кто противодействует нашему благому начинанию». Гг. Озеровы, поскребите в своей памяти, и вы, может быть, после подобных формулировок откровенно сознаетесь, что работали вместе с жандармами и в их же пользу — не будем говорить, что сознательно, но с профессора достаточно и этого! Пикунов говорил так: «Мы должны заручиться благоволением какой-либо высокопоставленной особы и защититься крестом и подойти под священную ярсу». Мысль тоже очень понятная, и такой высокопоставленной особы, как министр внутренних дел г. Плеве и градоначальник Клейгельс, вполне достаточно, а в защите крестом и ярсой может быть полезен хотя бы обер-плут, то бишь обер-прокурор святейшего синода г. Победоносцев или митрополит из Лавры. Оказалось, что петербургские товарищи не особенно хватаются за крест и священную ярсу и говорят: «Ну, куда нам еще попов, мы и без них обойдемся». Насчет же высокопоставленной особы, то Слепов постарался стащить пионеров к г. Плеве, который «милостиво беседовал» или «выслушал благодарность рабочих за данное им разрешение собираться». Плохо только, что Слепов

не выдержал роли до конца, и там же, оставив своих товарищей по представлению вне учреждения, сам отправился к какому-то чиновнику в этом же учреждении, якобы занять денег. Это породило неудовольствие против него, и по этому поводу следующее собрание много шумело, и шум кончился не в пользу Слепова; даже больше — раздор проник в среду самих организаторов-пионеров этого дела.

Да, и сторублевая лошадь спотыкается, говорит русская пословица. И самый ловкий и опытный враг русск. рев. соц.-дем. споткнулся, скажем мы. Представьте себе, что Зубатов призвал из Москвы самых опытных организаторов и самых влиятельных лиц из московских рабочих собраний, — лиц, которых московские рабочие послали на свои средства. И вдруг наши петербургские товарищи не только не питают к этим лицам уважения, но относятся с большим недоверием к их речам и действиям! И если некоторые товарищи не вполне понимают зубатовщину, то они инстинктивно чувствуют омерзительность истинной цели. Благодаря этому и вышло то, что самого главного зубатовского агента, Слепова, почти выгнали из собрания после того, как он пришел из общества Комаровых и Богдановичей (см. № 31 «Искры». Ред.), очевидно, услышавши от них слова Александра III, что «Россия для русских». И как только Слепов произнес эту фразу, как ее тотчас же перефразировали и сказали: «А Петербург для петербуржцев, но не для москвичей, долгой москвичей, вон их, вон отсюда!» И после этого Слепову не позволили говорить, и дело даже дошло до того, что было основание опасаться за кости господ Слеповых и Соколовых. И вот, когда Слепов доложил об этом Зубатову, то последний пришел в самое крайнее отчаяние, просто не знал, что ему предпринять, и остановился на старом способе, так часто выводившем его из затруднений. Призвал одного рабочего из сторонников этих собраний, только говорившего против Слепова и Соколова, предлагал ему жалованье и хорошее место и еще кое-что, только бы он согласился говорить за этих господ, т. е. за Соколова и Слепова. Рабочий отказывался и приводил в оправдание себя невозможность говорить за них, когда только вчера говорил против. Злые языки говорят, что Зубатов горько плакал по своему детище... На отказ рабочего защищать этих

Делегат соц.-революционеров, может быть, высказался бы по этому вопросу в другом смысле. Но какое практическое значение мог бы иметь взгляд человека, представлявшего микроскопическую горсточку русских юношей, живших за границей?

Дальше. Перед нами лежит первая книжка «Вестн. Русской Революции», где в статье «Наша программа» (заметьте, читатель: программа) мы встречаем следующие интересные строки:

«Какое должно быть наше отношение к крестьянству? Не забудем, что в числе политических приобретений, сделанных „Нар. Волей“ в период ее героической борьбы и завещанных ею русскому движению, был отрицательный взгляд на деревню как на исходную точку демократического переворота, как на инициативную силу революции. „Народная Воля“ подчеркивала важность общинных идеалов мужика, указывала на громадное значение аграрного вопроса для России. Но она не думала, чтобы революционная деятельность могла, по примеру прежних лет, искать отправного пункта для себя в деревне и непосредственно опереться на мужика. И, по нашему крайнему убеждению, с тех пор не произошло здесь ничего существующего нового, что заставило бы нас отказаться от такого взгляда».

Редакция «Вестника» признает, что «возникновение сельской интеллигенции» сделало деревню доступнее для революционной пропаганды. Она не сомневается также

в том, что «демократический переворот, начатый в центрах интеллигенцией и рабочими», был бы теперь более сознательно поддержан деревней. Но она твердо стоит на том, что инициатива переворота должна исходить от рабочих и интеллигенции городов. И она думает, что неуместно было бы отделять революционные силы, работающие в городе, на пропаганду в деревне. Такое отделение «пока» представляется «операцией, решительно невыгодной, разбивающей дружный натиск революционной армии на самодержавие».

Эти строки тоже «достаточно ярко показывают», что если русские соц.-демократы и в самом деле провинились перед «мужиком» (а это, повторяем, покажет нам новая историческая справка), то вину их вполне разделяют люди, занимающие теперь очень видное место в «Партии Социал.-Рев.», и что этой партии очень полезно будет вспомнить слова медведя в басне «Зеркало и обезьяна»:

Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?

«Рев. Росс.» негодует на съезд южно-русских соц.-дем. организаций, который состоялся «можно сказать, накануне грандиознейших крестьянских волнений на юге России» и который не нашел нужным заниматься крестьянским вопросом. Допустим, что ее негодование совершенно основательно, но вы помните, читатель, когда

господ Зубатов пообещал силой ввести их, на что рабочий ответил не менее грозно, что нельзя вводить силой, ибо тогда, чего доброго, разнесут вдребезги и их, и собрание, и ничего нельзя будет сделать. Вот когда оказалось, что с огнем шутить нельзя! Вот как обстоят дела Зубатова в данный момент, и есть от чего притти в отчаяние, особенно если взять во внимание необходимость считаться с режимом: говорить да не проговариваться. Совсем не то было в Москве, где Красивский и Игнатов говорили очень резко против капиталистов, разных «пиавок», как они выражались, против монтеров на железных дорогах и прибавляли при этом, что правительство, де, ничего не имеет против устранения «кровососов», словом, говорили очень красно, чем и ввели в заблуждение некоторых московских рабочих. Теперь же здесь в Петербурге совсем не то начинают говорить: против стачек, против социализма, против интеллигенции, а на этом далеко не уедешь, почему и приходится зубатовцам играть на национальных чувствах, разжигая страсти против иностранцев и других народностей, дабы отвести этим способом петербургских рабочих от политики против самодержавия. Что будет дальше, посмотрим, а пока нам пришлось наблюдать одни неудачные попытки его детища хоть как-нибудь встать на ноги в резиденции «Обмановых»⁸. Между прочим, довольно небезынтересно видеть способы зубатовщины. Когда Соколова исключили из членов общества, как шпиона, Слепову же не позволили говорить и ему ничего не оставалось делать, как уехать обратно в Москву, то Соколов — полагаем, по совету Зубатова — послал письмо в рабочее собрание, якобы писанное и посланное рабочими патронного завода. В этом письме мнимые рабочие патронного завода особенно защищают Соколова и просят не гнать его с собрания, потому что они его знают как очень хорошего человека. Только эта штука дела не поправила, и один из ораторов прямо указал, что письмо послал не кто иной, как сам Соколов, и почти все собрание было того же мнения, так как горячо защищало этого оратора.

Очевидно, самое интересное будет то, как опять перед рабочими, но теперь не перед московскими, а перед петербургскими, с трибуны появится буржуазная наука, и весьма, вероятно, что даже с примесью человеконенависти-

нической националистической окраски. Как поймут и как оценят ее петербургские товарищи? И от этого, думаем мы, зависит судьба дальнейшего зубатовского предприятия в Петербурге.

Петербургские рабочие.

из

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Н. - Новгород. В дополнение к корреспонденции, помещенной в № 29 нашей газеты, приводим еще небезынтересные данные о впечатлении, произведенном здешним судом над демонстрантами. Из одного письма:

«Нечего говорить о том, что полиция страшно боялась, что будет демонстрация перед судом. Штаты шпионов и конных были увеличены, всюду по городу число „скромных наблюдателей“ увеличилось, околоточные и пристава разгуливали по городу в удвоенном количестве. Даже тюремный начальник стороной старался выведать у пришедших просить свидания с заключенными, не ожидается ли 28-го демонстрация. Но Комитет решил демонстрацию не устраивать, так как рассчитывать на большое количество участников было трудно (самый факт назначения суда был долго не известен и подготовить массу к пониманию этого факта не удалось: листок о суде вышел только за два дня до суда). Кроме того, наибольшая масса сознательной публики — в Сормове, которое лежит в шести верстах от города при очень неправильной переправе исключительно на паромовых. До суда были также выпущены листки, где говорилось, что Комитет демонстрации не устраивает.

«По городу было очень много разговоров о суде, по крайней мере в интеллигентных слоях целую неделю только об этом и говорили. Но и на конках, на улицах, особенно в дни суда (четыре дня) слышно было много толков об этом факте. Нечего и говорить, что отношение у всех было сочувственное. Во многих местах собирались деньги путем лотерей, подписки. В них принимали участие и

вышла первая книга «Вестника Русской Революции»? Она вышла в июле 1901 года. Это тоже «можно сказать накануне» все тех же «грандиознейших крестьянских волнений». Мы знаем, что сказала — в своей программной статье — редакция «Вестника» по поводу крестьянского вопроса: она признала политическим приобретением уже известный нам отрицательный взгляд «Партии Нар. Воли» на деревню и «категорически» высказалась против направления в крестьянство хотя бы некоторой части революционных сил, работающих теперь в городах. Это очень ясно и совсем недвусмысленно. Казалось бы, что «Рев. Росс.» не могла пройти мимо такого заявления; казалось бы, что ей следовало обратить серьезное внимание на «политическое приобретение», унаследованное «Вестником Русской Рев.» от «Партии Нар. Воли» и рекомендуемое редакцией этого издания русским революционерам наших дней; казалось бы, наконец, что, обратив на это «приобретение» свое просвещенное внимание, она должна была отнести «течение», выраженное «Вестником», к числу тех «течений русской революц.-социалистической мысли», которые «категорически отрицают возможность и целесообразность работы в деревне». Но вышло совсем иначе. «Шпыня» соц.-демократов, «Рев. Росс.» ни одним словом не обмолвилась о «Вестн. Русск. Рев.». Почему? Не потому ли, что ей неприятно было «на себя оборотиться»? Может быть. Но в таком случае где же справедливость?

Нам скажут, пожалуй, что редакция «Вестн. Р. Рев.» все-таки не совсем отрицала возможность и целесообразность работы в деревне, ведь она «горячо приветствовала, однако, пропаганду в деревне со стороны тех элементов, которые самым образом своих занятий прикреплены, так сказать, к ней»*. Вероятно, на основании этого горячего приветствования редакция «Вестника» сочла даже возможным сказать, что «ее отношение к земледельческому классу не основано на отрицании революционной деятельности в деревне», хотя «чуждо преувеличения результатов ее при теперешних условиях»**. Читатель подумает, может быть, что именно на этом основании «Рев. Росс.» и не зачислила редакции «Вестн.» по ведомству «тех течений русской революционно-социалистической мысли, которые...» и проч. и проч. Но в таком случае читатель ошибется. Дело в том, что, признавая желательность революционной пропаганды в крестьянстве со стороны революционных элементов, которые привязаны к деревне по своей профессии, редакция «Вестника» только повторила, в 1901 году, то, что сказано было шестнадцать лет тому назад в программе группы «Освобождение Труда», родоначальницы русской соц.-демократии. Стало быть, с этой стороны взгляд «Вестника» не отличается от взгляда указанной группы.

* «Вестн.», кн. I, назв. статья, стр. 12 — 13.

** Там же, стр. 13.

люди, кажется, по своему положению ничего общего с протестом и демонстрацией не имеющие.

«Обвиняемых привезли в суд в 4 часа утра в вагонах трамвая, по бокам которого скакали во весь опор конные, так как трамвай везли с быстротой молнии. Увезли их из суда в 2-3 ч. ночи, причем даже ночью немногих обывателей, случившихся на совершенно пустынной улице, полиция просила не останавливаться и идти дальше.

«В день суда на Покровке публику усиленно просили не замедлять шаги, а многих, шедших по той стороне улицы, где был суд, околоточные лаконически просили „перейти на другую сторону“. И, как рассказывает один обыватель, „вспомнив, что у меня жена и дети, я покорно перешел на другую сторону“.

«В общем, суд произвел очень хорошее впечатление. Он имел громадное агитационное значение. Среди рабочих очень интересуются им и речами товарищей. В Сормове говорят: „теперь мы не побоимся пойти на демонстрацию“. Несомненно, что будущая демонстрация привлечет, вероятно, очень много народу; настроение очень бодрое, и все жаждут настоящего дела и борьбы».

Из другого письма:

«Еще накануне здание суда было основательно укреплено. Тщательно заколочено большинство выходов; у каждого из незаколоченных выходов поставлена сильная стража. В ночь перед судом в здание введен отряд солдат, который занял на все четыре дня одну из комнат канцелярии. На заднем (втором) дворе, невидимом с улицы, устроена засада из 60 городовых. В день суда, еще задолго до рассвета, обвиняемых под сильным конвоем привезли в вагоне электрического трамвая в здание суда. Снаружи в продолжение всех четырех дней заседания палаты здание охраняли высшие чины города да по улице растянулась линия бравых усачей, одетых в разнообразные штатские костюмы и вооруженных, неизвестно зачем, дворничьими метлами. Всеми этими приготовлениями распоряжался сам „генерал“ (т. е. губернатор), который, как передавал один помощник пристава, „сам накануне прибыл в суд и долго там оставался, взволнованно осматривая все двери и отдавая приказания“. Повидимому, ожидали демонстрации у здания суда, хотя прокламация, изданная Комитетом и разбросанная по всему городу в ночь на

28-е, заканчивается ясными словами: „Комитет уведомляет всех интересующихся, что им не будет предпринято никакой демонстрации 28 числа. Поэтому предлагаем всем, кто будет стоять в этот день у входа в суд или проходить мимо, держаться по возможности спокойно и осторожно, не произносить речей, не выкидывать флаги, чтобы избежать напрасных жертв. Демонстрацию Комитет откладывает до другого случая“. В день суда в городе чувствовалось какое-то особенное настроение, но демонстрации все же не было. Только на улице против суда гуляющей публики было более обыкновенного.

«Председательствовал старший председатель московской судебной палаты Попов. Защищали: Маклаков, Молянтович, Муравьев, Тесленко, из нижегородцев Ланин и др. В качестве свидетелей выступила теплая компания, состоящая из жандармов, чинов полиции, сыщиков, провокаторов. Пустынные комнаты сильно укрепленного здания, шныряющая свора „свидетелей“ — создавали обстановку застенка. Кажется, сановные судьи, убежденные седины старики и в особенности сословные представители чувствовали себя неловко в такой обстановке и в такой роли. С первых же шагов свидетели обнаружили свою ценность как свидетелей. На вопрос председателя: „не имеете ли еще чего сказать, свидетель?“ один жандармский унтер-офицер, не подумав, брякнул по-военному: „Никак нет, больше сказать не приказано“. За ним выступил помощник пристава. Прежде чем ответить на заданный вопрос, он вынул из кармана записку, развернул ее и по ней стал читать свой ответ, причем все сразу почувствовали близкое сходство его показаний с текстом обвинительного акта. „Почему вы читаете по записке?“ — спросили его. „На память не могу“, был ответ. Когда свидетеля ловили и уличали в подтасовке, он отказывался дальше говорить, ссылаясь на служебные тайны. Вот диалог, образец своеобразного отношения свидетелей к законному судебному допросу. Передаю не дословно, но почти точно:

«З а щ. Свидетель, скажите, в то время, к которому относятся ваши показания, вы состояли агентом жандармского управления? — С в и д. (говоривший с апломбом на вопросы прокурора). Я этого не могу ответить. — З а щ. Очень хорошо. Может быть, вы можете ответить, не получали ли вы тогда наград от жанд. упр.? — С в и д. мол-

И если уж миловать редакцию «Вестника», то надо было помиловать и группу. А «Рев. Росс.» не только не милует этой группы, но кидает в ее огород камушек презрительной иронии, замечая, что некоторые из «течений», сбитых с толку своими «теориями и программами», в лучшем случае допускали работу в крестьянстве «лишь для лиц, силою обстоятельств прикрепленных к деревне». Ясно, стало быть, что такое допущение не составляет в ее глазах даже и самомалейшего смягчающего обстоятельства. Но тогда почему же шадит она «Вестн. Русск. Рев.»? Не потому ли, что она предпочитает «считать кумушек»? Очень на то похоже!

Правда, в эпоху появления первой книжки «Вестн. Русской Революции» этот журнал еще не был официальным органом «социалистов-революционеров». Его объявили таковым лишь впоследствии. Но впоследствии его редакция нигде и ничего не сообщала своим читателям о том, что она изменила свой взгляд на «политическое приобретение», сделанное «Партией Нар. Воли». Приходится думать поэтому, что она и теперь очень дорожит им. А из этого следует, что ее и до сих пор надо относить к числу тех «течений», которые так строго осуждаются «Рев. Росс.» за их отрицательное отношение к деревне.

Это — довольно интересный вывод. А еще более интересен следующий. «Рев. Росс.» говорит, что «Партия соц.-революционеров и те организации, которые объеди-

нились с ней, всегда (курсив «Рев. Росс.») ставили одной из основных задач своей деятельности — революционизирование деревни». Теперь оказывается, что это неправда, по крайней мере в применении к той группе, которой принадлежал почин издания «Вестн. Русск. Рев.»: эта группа, очевидно, никогда (курсив наш) не относилась к числу «основных задач» своей деятельности. Так пишут историю!

Но и это еще не все. Если писаная история отличается подчас некоторыми странностями, то действительная история идет иногда совершенно невероятными путями, как это было засвидетельствовано еще покойным Тихомировым в покойном «Вестн. Нар. Воли».

Указывая на известное нам «политическое приобретение», сделанное «Нар. Вол.», редакция «Вестн. Русск. Рев.» утверждала, как мы видели, что и до сих пор — т. е. до июля 1901 года — «не произошло здесь (т. е. в деревне) ничего существенно нового, что заставило бы нас отказаться от такого взгляда», т. е. от того же «приобретения». Не видя этого нового, она думала, что целесообразно отделить часть революц. сил на пропаганду в деревне. А новое, оказывается, давно уже было. Соц.-революционеры, — как мы узнаем это из «Рев. Росс.», — деятельно работали в крестьянской среде. «Во многих местах отзывчивость крестьян превосходила самые смелые надежды революционеров». И скоро «обнаружилось, что

чит. — Предс. Свидетель, по закону вы обязаны отвечать не только на вопросы обвинения, но и на вопросы защиты. Свид. молчит. — Защ. Скажите в таком случае, не вы ли это давали тогда такому-то нелегальную брошюрку? — Свид. Да. — Защ. Очень хорошо. Скажите, не являлось ли как бы вашим постоянным занятием давать товарищам нелегальные брошюрки? — Прок. Я не понимаю подобных вопросов! — Предс. Нет, вопрос задан понятно. Г. Защитник спрашивает свидетеля: не являлась ли его постоянным занятием раздача нелегальных брошюр? — Свид. Не могу ответить.

«С первых шагов ясно чувствовалось, что суд одна только пошлая комедия. Одно время даже казалось, что сам председатель (70-летний чиновник) почувствовал бесконечную разницу между высокой степенью личного достоинства обвиняемых и ярко бьющей в глаза низостью свидетелей. Так, когда обвиняемый Быков (оправданный) рассказывал длинную историю, как его подкупали, склоняя к доносу на товарищей, как грозили арестом, как потом осуществили угрозу, как безобразно обращались во время заключения, как после этого опять приступили к подкупу, — председатель спросил: „Вы говорите, вам потом опять предлагали 200 р. одновременно?“ — Да. — „Вы, конечно, отказались?“ — и слово „конечно“ было так сказано, что ответ сам собою вылился: конечно, я живу честным трудом.

«Речи сормовских рабочих вам известны, поэтому сообщая только кратко и притом далеко не дословно содержание речей интеллигентов в процессе 5 мая. Моисеев проводил, между прочим, параллель между Россией до падения крепостного права и Россией теперь. Как тогда всякое благое намерение, всякая попытка облегчить участь обездоленного народа разбивались об одно и то же препятствие — крепостное право еще не отменено, так и теперь: самодержавие еще не свергнуто. Самая простая, естественная логика, самая жизнь ежедневно и ежедневно толкает на этот простой и ясный выход из всех затруднений... Далее Моисеев рассказал подробно о том, как пришел к теперешним убеждениям, и закончил речь словами, что он убежденный, сознательный революционер, что делу борьбы с самодержавием он посвятил свою жизнь и, куда бы ни послал его приговор суда, всюду его заветным, святым желанием будет: „Да здравствует политическая свобода, далой

самодержавие!“ Последние слова оратор произнес громко и ими закончил одночасовую речь. — Доброхотова вспомнила Ветровскую историю, 4 марта, голод в Самарской губернии и помощь правительства голодающим, выражающуюся в том, что чиновники пили шампанское на деньги Кр. Креста, говорила о своей жизни за границей, провела параллель между уважением личности там и у нас. — Синева говорила о положении просвещения и печати. Закончила горячо. Приблизительно так: „Я не боюсь никаких кар, никакого наказания, какое только придумает мне суд, потому что я твердо верю, что самодержавие будет свергнуто и политическая свобода восторжествует!“ — Дертев говорил о русском духовенстве и о преподавании в семинариях и высших учебных заведениях.

«Речи произвели, повидимому, на всех сильнейшее впечатление. Председатель почти не прерывал обвиняемых, иногда даже задавая вопросы и останавливая только тогда, когда ораторы, по его мнению, повторялись. Обрывал только часто Дертева, и то, повидимому, потому, что его хотели оправдать за неимением улик.

«Защитник Ланин угадал, повидимому, общее настроение залы. Дрожащим голосом он говорил с большою искренностью. — „Я, гг. судьи, уже старик, совсем седой. Вы тоже. Нам уже недолго жить. Перед нами же лучшая, симпатичная молодежь. Ей еще предстоит долгая жизнь, которую мы сейчас готовимся исказить своими приговорами. Подумаем же теперь, чем живет эта молодежь, что она чувствует*. Ведь, в сущности, все мы, вы, гг. судьи, вы, г. прокурор, и вы, гг. защитники, спутаны с ними толстейшими веревками. Мы читали те же книги, воспитывались на тех же идеях, выросли в той же обстановке, в той же атмосфере. Только то, что у нас остается в голове, то у молодежи неизбежно переходит в дело. Ее ли вина, что она честна, искренна, самоотверженна, что она не так „благоразумна“ и осторожна, как мы, старики... Речь Ланина привожу далеко не дословно, но за общий тон ее ручаюсь вполне. Его речь еще усилила впечатление от всего процесса и, несомненно, усилила неловкое чувство судей. И, правда, что им было делать? Ясно было,

* Ланин выступал по делу 5 мая, и потому речь его относилась только к интеллигентам.

работа в деревне требует более широкой постановки, которая была уже не под силу отдельным лицам и кружкам», и потому «идея о необходимости и неотложности работы в крестьянстве охватывала все большие круги революционных деятелей, не удовлетворявшихся соц.-демократической постановкой вопроса». А редакция «Вестн. Русск. Рев.» ровнехонько ничего об этом не знала! Разве это не поразительно? И впоследствии, когда «Вестник» сделался органом «Партии Соц.-Революционеров», его редакция не сочла нужным открыто покаяться в том, что она совершенно даже и не подозревала столь плодотворной деятельности тех самых элементов, из соединения которых составила ее новая партия. Разве это не изумительно?

Но известно, что невежество — вовсе не доказательство. Если редакция «Вестн. Русск. Рев.» ничего не знала о засвидетельствованных «Рев. Росс.» и поистине невероятных успехах соц.-революционеров в крестьянской среде, то успехи эти все-таки существовали — разве «Вестн. Р. Р.» осмелится усомниться в этом? — и росли не по дням, а по часам. Со времени объединения соц.-рев. в одну партию дело пошло поистине гигантскими шагами. В качестве увенчания здания возник недавно «Крестьянский Союз», опубликовавший воззвание: «Ко всем работникам революционного социализма в России», чрезвычайно замечательное тем, что оно написано слогом передовых статей «Р. Р.». Это важное обстоя-

тельство «ярко» доказывает, что упомянутые статьи производят на крестьянские умы не только сильное, но прямо неизгладимое впечатление. И это, разумеется, прекрасно. Но плохо то, что, ослепленная невероятными успехами своей партии, «Рев. Росс.» совсем, как видно, позабыла историю революционной мысли в России.

Мы напомним ей эту историю, поскольку она касается «Партии Нар. Воли», и группы, начавшей издание «Вестника Русск. Рев.». Мы скоро напомним ей и историю отношений к «земледельческому классу» русской соц.-демократии. Но предварительно нам нужно определить, в чем именно понятие: пролетарий отличается от понятия: крестьянин. Такое выяснение необходимо именно затем, чтобы мы могли точнее определить наши практические задачи в крестьянстве.

[Г. Плеханов]

что все хотели оправдать побольше человек, хотели выказать побольше мягкости, но... разумеется, в пределах законности и применительно... В совещательной комнате, по слухам, судьи в недоумении разводили руками. Ведь если судить по закону за все то, что наговорили на себя обвиняемые, — их надо приговорить чуть ли не к смертной казни, а если судить по совести... то при чем останутся законы? Кончилось не оправданием и не „всею строгостью закона“, а чем-то средним, что, очевидно, было указано сверху.

«Нижегородский суд оказал революционному делу громадную услугу. Посредством суда правительство само дало революционерам редкий случай одержать громадную моральную победу. На сцене суда фигурировало гнусное и грязное насилие (свидетели), слабое, колеблющееся правосудие (судьи) и смелые, чистые, сильные духом представители светлой и жизненной идеи — обвиняемые. Казалось, точно нарочно создали такой черный, грязный фон из отребьев старой, отживающей России с острым полицейски-шпионским букетом, нарочно поставили дряхлых статистов-судей, чтобы выделить, поднять представителей молодой и честной России, чтобы контраст был больше, чтобы моральная победа была сильнее. Как ни дорого куплена победа, мы можем быть довольны судом, а обвиненным товарищам он дал такое наглядное нравственное удовлетворение, какое редко кому из ссылаемых приходится переживать».

Из частного письма одной из осужденных за саратовскую демонстрацию. «...Скажу несколько слов о своем положении. 7 ноября меня осудили по процессу о саратовской демонстрации на поселение с лишением прав и навечно. Конечно, ничего не бывает вечного, и я в это не верю, но все же, когда произносится это слово, то что-то скребет на сердце. Человек — удивительное существо, он больше всего боится страшных слов. Вот и слова „вечно“ и „никогда“ имеют какую-то магическую власть над его душой, вопреки всем доводам рассудка. Я теперь сижу в Саратовской тюрьме и дожидаюсь утверждения приговора, так как, вероятно, будет еще кассация нашего дела, то отправившись в Сибирь только весной. На поселение нас всех осуждено семь человек: четверо мужчин и три женщины. Процесс наш длился три дня, и эти три дня, я думаю, навсегда оставят глубокий след в моей жизни. Все это время мы жили какой-то особенной жизнью; все время оставались в страшном напряжении все чувства, когда следили за состязанием сторон, потом, когда произносились прекрасные речи защитниками. Вообще, все время этот открытый и резкий контраст и противоположение двух лагерей. Даже свидетели делились прокуратурой на „наших“ и „ваших“, — с одной стороны, выступили чины полиции, агенты тайной полиции и чины жандармерии, а с другой — интеллигентная публика — фельдшерцы, статистики, поднадзорные; некоторые свидетели были раньше арестованы и приводились под конвоем в залу суда. И знаете, как хорошо было чувствовать все время, что на нашей стороне правда и свет, а на той?.. Она олицетворяется теперь для меня в образе мрачного сифилитика, агента тайной полиции Куприянова, с отталкивающей физиономией и с шипящим и свистящим голосом, и злобного жандарма Гринюшина, который сорвал на демонстрации шляпу с одной девицы и на суде со злобой заявил, что в ту пору следовало бы и кофту сорвать. а когда он сказал, что демонстранты пели: „Вставай, подымайся, черный народ!“, то должен был перевести дух от душившего его злопыхательства. И вот, мне казалось тогда, что и сами судьи (у которых, конечно, еще не совсем заглохло все человеческое под сословными предрасудками и страхом начальства) чувствовали, что мы правы, что, осуждая нас, они являются поборниками той тьмы, из которой выползли Куприянов, Гринюшин. Когда подсудимые стали говорить свои последние слова, я не могла удержаться и сказала, что разделяю их убеждения. Может быть, за это только меня и осудили, ибо я не была на демонстрации, и это было доказано свидетелями. За одно слово иду на поселение, но я не жалею и не раскаиваюсь в этом».

Из студенческой жизни. Под таким заглавием поместил «Киевский Соц.-Дем. Листок № 1» (изд. Киевск. Ком. Росс. С.-Д. Р. П.) заметку о чествовании памяти Балмашева 4 ноября. «В обоих учебных заведениях, — читаем мы о Политехн. инст. и Университете, — в этот день раздавалось революционное пение. Вздвигнутое воспоминаниями, студенчество торжественным шествием по старинному зданию николаевской постройки заставило умолкнуть казенные лекции, замалчивающие правду жизни. Шесть студентов университета, по желанию министра, преданы за это теперь суду, состоящему из их же учителей, под председательством проф. Гуляева, к тому же и члена окружного суда. Один из судей, профессор Чернов, допрашивая 25 ноября обвиняемых, ставил им вопрос, не пели ли они 4 ноября революционных песен в пьяном виде? Вот как профессора относятся к лучшим чувствам своих учеников. Понятно, что суд этот может повести к новым демонстрациям. — Признавая за студенческим движением политическое значение, мы предполагаем в нашем „Листке“ следить за его развитием в Киеве и знакомить социал-демократов с сущностью его. Одних, подобно Балмашеву, студенческое движение наталкивает на мысль о покушении, как единственном способе борьбы с нашим чудовишным самодержавным строем; на ту же мысль наталкиваются представители различных классов русского народа, и покушения тем чаще будут повторяться, чем свирепее и невыносимее будет становиться гнет царского правительства. Другие студенты в борьбе за политическую свободу приходят к уверенности, что, только примкнувши к рабочему классу, организованному в партию, они достигнут своей цели. Признавая путь политических убийств ложным, способным завести русскую революцию в тупой угол отчаянного, но геройского единоборства с царизмом кучки революционеров, мы считаем увлечение террором опасной помехой для роста социал-демократии. — Однако для нас, социал-демократов, чуткий, самоотверженный революционер Балмашев, не видевший иного исхода из окружающего зла, должен быть близок и понятен своею жаждой свободы и справедливости, своею решимостью, своею ненавистью к угнетателям русского народа. Этот бесстрашный мститель вдвойне нам близок, так как незадолго до покушения на Сипягина он просил Киевский Комитет о принятии его в соц.-дем. партию».

Обращаем внимание читателей на это последнее заявление, бросающее некоторый свет на «спорный» вопрос о так называемой «боевой организации» социал-революционеров.

С.-Петербург. На-днях здесь, в стенах дворянского собрания, как пишут, был дан студенческий благотворительный концерт, окончившийся демонстрацией в память убитых в Ростове и станции Тихорецкой. Дело было так. На эстраде появились студенты и стали петь, затем появилась артистка Яворская, продекламировавшая несколько стихотворений. Должны были начаться танцы, играла музыка, но она была внезапно заглушена громким, стройным, заунывным общим пением «вечной памяти» погибшим ростовцам и на Тихорецкой. К этому времени явились полчище конных жандармов и пеших городских. Кончилось тем, что всех присутствовавших конвоировали и развели по домам. Говорят, были большие аресты.

Буржуазное самоуправление в когтях у двуглавого орла. Русский царизм, всегда подозрительный к разумным начинаниям своих «подданных», относится вдвое подозрительнее к тому, что исходит от обитателей имперских окраин. Между тифлисской городской думой и главноначальствующим (ныне кн. Голицын) идет постоянная война, в которой последнее слово («цыц»), конечно, всегда остается за помпадуром, но, вместе с тем, после каждой схватки среди здешнего населения растет негодование и возмущение против самодержавных порядков.

Школьное дело в Тифлисе находилось до сих пор в руках Училищного Комитета, состоящего при городской думе в качестве довольно самостоятельного органа. Введенное «мировотворцем» Городовое положение 1892 г. упразднило Комитеты, как независимые от городской управы

органы, заменив их подчиненными управе комиссиями. Либеральная тифлисская дума до последнего времени оставяла неизменным старый порядок. Член управы г. Шестаков, один из тех представителей «самоуправления», которые делают себе карьеру путем забегания перед администрацией, вступив за смертью головы во временное исправление его должности, счит нужным донести кн. Голицыну о незаконном существовании Училищного Комитета. В бумаге, адресованной губернатором управе по этому поводу, значилось: «на основании ваших донесений... предлагается упразднить Комитет». Управа заявила, что она донесений не делала и передала вопрос в думу. В думе произошло бурное заседание, г. Шестакова многие гласные публично обозвали «доносчиком» и требовали предъявления текста его донесения. Г. Шестаков от этого уклонился и, в качестве председателя, закрыл бурное заседание.

По поводу этой истории, имевшей место в сентябре, местная социал-демократическая группа выпустила прокламацию на армянском и русском языках под заглавием: «Самодержавная лапа в городской думе».

Гродно. В здешнюю тюрьму привезли из Одессы 15 человек политических, участвовавших в тамошнем бунте. Положение их отвратительно прямо до ужаса. Тюремное начальство обходится с ними в высшей степени грубо; дело не обходится без издевательств со стороны сторожей.

Всех заключенных бреют ежедневно; во время процесса бритья сторожа завязывают арестантам руки за спину и тогда только, убедившись, что заключенный не имеет возможности оказывать сопротивление, приступают к этой операции. До сих пор бритье (для политических), сколько нам известно, не практиковалось даже на этапных пунктах по всему сибирскому тракту. Заключенные (преимущественно молодые люди) неоднократно выражали свой протест. Их родные заявляли об этом товарищу прокурора и губернатору, но на все заявления следовал один ответ: «Не ваше дело нас учить; мы имеем право (?) брить и бреем. Не мы виноваты, что мальчишкам не нравится закон, дающий нам на это право».

Некоторые из заключенных (они сидят 11 месяцев) начали голодовку, объявив, что перестанут голодать только в случае отмены бритья. В случае же, если к ним будут применены меры искусственного кормления, они поконтчат с собой. Когда об этом доложили помпадур г. Гродно, то он, с истинно христианским смирением, сказал: «Что же, в жизни и смерти волен только один бог».

Затруднительное положение администрации или кто управляет в России. Черниговский губернатор Андреевский, узнав, что в одном из уездных комитетов высказываются очень либерально, шлет циркуляр исправнику, с приказанием немедленно донести, кто и о чем говорил. Циркуляр пришел после закрытия заседаний комитета. Исправник поручает своему помощнику собрать нужные сведения. Помощник, добродушный хохол, поставленный в затруднительное положение, почесав затылок, только и мог сказать: «Ну ще его робить, Витте каже, чтоб увсе казали, Плева каже, что нельзя, да чего ж доси молчал Андреевский?»

Ставрополь-Кавказский. Весь ноябрь месяц в местной реальной и классической гимназии среди воспитанников этих учебных заведений происходило сильное брожение, которое переположило не только начальство этих учебных заведений, но доставило немало «бессонных ночей» и губернской полицейской администрации, во главе с местным жандармским ротмистром Скальковским. Дело началось со следующего. На квартиру местного учителя словесности Россикова было совершено «вооруженное нападение». Стреляли холостыми. Этот факт напугал начальство гимназии настолько, что оно боялось показываться по вечерам на улицах. Подозрение пало, конечно, на гимназистов, так как Россиков немало испортил жизни гимназистов своим особенно ретивым «опеканием». Лица, напавшие на квартиру педагога, были загромированы и переодеты. В тот же день, вечером, были выбиты стекла

в квартире директора гимназии Мельникова-Разведенкова, в квартире инспектора Лорионова, недавно переведенного в Ставрополь из Екатеринодара. Кроме этого, одного педагога, Кониева, только что окончившего университет и прозванного гимназистами «джигитой нога», измяли так в этот вечер, что он недели две не показывал своих «очей» в гимназию. Возле бань в тот же вечер новобранцы избивали четырех педагогов. Но на этих событиях не окончилось брожение, оно перенеслось в стены гимназий. Так, на другой день после описанного, гимназистами старших классов (реального и классического отделений) были взяты под носом у инспектора кондуитные журналы, которые и были сожжены. Объясняют происшедшее «празднованием годовщины 6 ноября». Для того, чтобы найти попоплеку описанных событий, я должен остановиться подробно на прошлогодних ставропольских гимназических волнениях. Такие волнения неизбежны, откуда царит бюрократизм и самодержавие, накладывающие и на наши гимназии специфическую печать зачумленности, вытравливающие из школы всякую независимую мысль. Педагогов, с особенным усердием калечащих мысль и душу своих питомцев, особенно много в далеких провинциях, где и даровитый наш писатель Антон Чехов взял несомненно своего «человека в футляре». Таких экземпляров много и в ставропольской гимназии. Достаточно только указать на бывшего директора гимназии Гнипова, чтобы притти в ужас от того, кого только ни назначает в руководители юношества наше выродившееся самодержавно-бюрократическое правительство, боящееся, как огня, всякого свободного слова, всякой свободной мысли.

На Гнипова было несколько покушений со стороны воспитанников за 25-летнее его правление гимназией. Этот циничный представитель катковского классического режима прилагал все свои старания, чтобы сделать из гимназии военные казармы, а из воспитанников «преданных царю и отечеству» раболепных слуг. Он не останавливался ни перед чем. Для того, чтобы вытравить из гимназии «душу живу», он часто прибегал к трогательному единению с представителями жандармского застенка. Но в прошлом 1901 г., когда стеснения гимназистов дошли до геркулесовых столбов, особенно живущих в пансионе, старшие классы гимназии решили протестовать. Дело было осенью. Гимназистов, как пансионеров, так и приходящих, Гнипов решил совершенно не пускать в театр, а пансионеров кроме того в отпуск, так как де они «на свободе» набираются «преступных идей». Боязнь «крамольных идей» особенно усилилась у Гнипова после того, как он узнал через своих фискалов, что в гимназии читаются революц. издания, и после того, как в седьмом классе после ухода из классов был найден № 1 «Искры», ходивший, как говорят, во время уроков по рукам. Гнипов решил «пресечь крамолу» посредством замуровывания в четырех стенах своих воспитанников. Но воспитанники решили протестовать. К этому еще присоединились и другие стеснения. Всех водили гулять по парам, под неослабным наблюдением педелей и благонадежных учителей, имеющих «сыскной образ мыслей и нюх». В отпуск из пансиона пускали только тех, кто имел родных, а остальных пускали только в праздники на 1 час по 4 человека из класса по алфавиту. В театр, как я сказал, запретили всем ходить. Особенно против театра восстал законоучитель, очень ехидный поп, которого даже из семинарии прогнали за тайную продажу казенных сухарей и по этой причине его прозвали «сухарником». Чтобы отвлечь от театра, поп этот, Петр Руткевич, советовал директору под праздники устраивать чтения «божественного характера». Помимо этого пансионеров кормили какой-то дрянью: картофель, например, терял свой природный запах и получал запах старина. Тараканы, мухи и тому подобные насекомые в пище — это обыкновенная вещь. Жизнь в гимназическом пансионе превратилась в целую систему исправительных испытаний, каждый шаг регламентировался целой сетью заведенных шпионов, как в пансионе из среды воспитанников, так и за стенами гимназии. «Сердечное попечение» выразилось в том, что Гнипов, желая «итти рука об руку с родителями», предложил им взять на себя обязанности шпионов, так как де для осуществления «сердечного попечения» не хватает педелей. Словом, «сердечное попечение» здесь приняло форму

усовершенствованного сыска и ежевых рукавиц, как и следовало, впрочем, ожидать.

Собравшись вместе, гимназисты выработали форму протеста против хлынувшей на них волны «сердечных попечений». Они потребовали на поданной Гнипову бумаге: чтобы отпусками пользовались все каждый день от обеда до первых занятий, т. е. от 4 до 6 ч. вечера, без педелей и дядек, и в праздники на целый день, чтобы пользование театром не было обставлено никакими «усмотрениями начальства», а было доступно всякому гимназисту без разрешения на это начальства. А чтобы устранить злоупотребления на кухне, гимназисты потребовали присутствия в кухне выборных из своей же среды. Все эти требования и еще несколько других подали директору Гнипову 1 ноября 1901 г. Прошла неделя, а ответа все нет, как нет. Тогда 6 ноября все старшие классы собрались в сборный зал и потребовали для объяснения к себе директора Гнипова. Директор вышел, но остался около двери учительской. Дальше Гнипов не решался подойти, а передал через инспектора, что разговаривать с «бунтовщиками» не будет. В это время кто-то из гимназистов закричал, что Гнипов назвал их толпой негодяев. Недолго думая, кто-то из толпы бросил камень в окно, после чего начался настоящий разгром гимназического зала. Все это продолжалось до 2 ч. ночи. Испуганный директор и педагоги на другой день дали знать полиции и жандармерии, которые начали «сыск» по всем правилам застеночного искусства, с целью найти «корни и нити». Между тем беспорядки в гимназии все продолжались и принимали угрожающий характер. Тогда телеграммой был вызван попечитель Кавказского Округа Завадский, который и приказал удовлетворить требования гимназистов. Искали подстрекателей «со стороны», но неудачно, поиски были основаны на песце. После отъезда Завадского, беспорядки не прекращались, так как Гнипов гнул свою линию: он пользовался благоволением свыше и прерогативами, как самый опытный и нужный педагог-инквизитор. Гимназисты стали ему бить окна, тогда Гнипов сдался, удовлетворил требования, но зато сам бежал ночью из Ставрополя неизвестно куда. Исчезновение директора произвело в городе сильное впечатление. Оказалось потом, что он подал в отставку, не имея сил дальше бороться с гимназической «крамолой». После него гимназисты было вздохнули свободно, тем более, что наместник Гнипова был под влиянием Ванновского. Но потом, когда пошли другие веяния, то новый директор вспомнил «гниповское время» и стал прибирать вожжи к рукам довольно круто. И вот гимназисты 6 ноября этого года вспомнили также и свой прошлый годний протест.

[Л. С. Федорченко]

Харьковский союз учащихся прислал нам свою прокламацию «Ко всем учащимся средних учебных заведений Харькова» (сентябрь 1902 г.) и три номера «Летучего Листка» вместе со след. письмом: «В мае месяце 1902 г. было издано и распространено в довольно большом количестве воззвание с призывом к устройству ученических организаций средних школ, как безусловно необходимого противодействия губительному влиянию школьной жизни. Воззвание это было подписано „Организационный кружок харьковских учащихся“. С начала настоящего учебного года кружок этот деятельно принялся за устройство предполагаемой им организации и, встретив со стороны многих своих товарищей очень сочувственное отношение к затеваемому делу, быстро привлек к себе довольно многочисленные силы. В настоящее время эта организация, принявшая название „Харьковского Союза Учащихся“, объединяет деятельность значительного количества кружков и все средне-учебные заведения г. Харькова. Союз выпустил три номера „Летучего Листка“, за ноябрь и декабрь месяцы, из которых каждый расходился в количестве 400—500 экз. В № 2 помещена выработанная Союзом программа его деятельности, или, вернее, направления его деятельности. Констатируя, в конечном результате, значительные успехи, которых ему удалось достигнуть, Союз не может не упомянуть о том сочувственном отношении и поддержке, которые он встретил со стороны местных революционных организаций. Союз приносит свою искреннюю благодарность всем, оказавшим ему помощь

в трудном для него сначала деле, и надеется, что эта помощь не пропадет даром. Союз приложит все усилия к тому, чтобы выработать из своих членов убежденных и стойких борцов за идеи социализма».

Из статьи № 2 «Листка» «Наша программа» отметим след., вполне справедливое, место: «Нам, товарищи, надо держаться с величайшей осторожностью и хранить все дела в Союзе в строгой тайне. Наша работа исключительно подготовительная... От души желаем успеха «Союзу» в этой серьезной работе. В № 3 «Листка» сообщается о глумом и позорном факте исключения ученика VI кл. Иваницкого, который «оказался, к величайшему нашему удивлению» (пишет «Союз»), редактором «Листка». Сознательная своей промах, педагоги-сыщики (ярость их по поводу удачного выхода и распространения «Листка» безгранична) обеляют себя в глазах общества тем, что Иваницкого, мол, не «уволчили», а «посоветовали (!) ему выйти из гимназии».

Владикавказ. Почти одновременно с празднованием протеста 6 ноября в ставропольской гимназии, во Владикавказе, в реальном училище, учащиеся также обнаружили тенденцию к протесту. Так, в начале ноября они разгромили весь пансион, разнесли все в стенах училища и все повыкидывали на улицу. Мебель, стекла — все перебито. Директор училища, как говорят, застрелился. (? Ред.) Причины волнений во владикавказском реальном училище: сырое белье пансионерам, отвратительная пища и скверное обращение с учащимися.

Одесса. У нас недавно был провал в трактире «Орле» (что на углу Б. Арнаутской и Треугольной улиц). Арестовано 19 чел. Имена всех пока не известны, кроме одного Айзенберга (интелл.), при котором найдены были революционные рукописи. При всех остальных найдена нелегальная литература, приблизительно, как говорят, около десяти фунтов. Все арестованы. Трактир закрыт. Арестован Кричевский (инт.). При нем найдено 120 экз. брошюр Дикштейна «Кто чем живет». Обыск и арест случайный. В том доме, где лежала литература, произошла кража у околоточного надзирателя, живущего там же. Надзиратель начал обыскивать всех жильцов дома. Кричевский, желая спасти литературу, обложил себя всеми 120 экз. Дикштейна и вышел со двора. Это заметил дворник и при первом городском арестовал его. Кричевский болен чахоткой; говорят, что он не в силах подняться с койки, — до того его положение плохо.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Саратов (из частного письма)... «Здесь происходит теперь сессия Саратовской Суд. Палаты, которая разбирает некоторые интересные дела. Между прочим, 16-го разбирается дело по обвинению 15 крестьян д. Федоровки, Кирсановского уезда, в том, что они силой попытались воспрепятствовать исполнению судебного приговора над их однообщественником Цидиленковым. По приказу министра юстиции дело это слушается при закрытых дверях, след., в печать об этом ничего не попадет. В нем есть некоторые любопытные подробности. В двух словах, суть в следующем. Среди земли, принадлежащей Федоровцам, есть кусок в 70 дес., принадлежащий княг. Бяринской. Землю эту крестьяне арендовали у княгини. Почему-то вышло так, что несколько лет подряд они пользовались этой землей, но обычной платы в виде земельческих работ (барщина!) не давали. Среди них распространилась мысль, что земля эта принадлежит им, а княгиня владеет ею неправильно. Началось у них с княгиней судебное дело, которое, конечно, было крестьянами проиграно. Поверенными крестьян были Цидиленков и Гаврюшкин. В одной из бумаг, которые они подали в суд, они употребили невежливые выражения, вроде того, что назвали одного судью глупым. За это Гаврюшкин и Цидиленков были преданы уголовному суду за оскорбление и приговорены к ничтожному наказанию — не более двух недель ареста. Но до этого суда и без всякого суда их

постигла большая неприятность: кирсановский исправник решил, что эти поверенные — люди опасные, могущие произвести смуту и волнения. Результатом этого решения вышло то, что оба они были высланы административным порядком в Балашов. Цидиленков был отправлен туда этапным порядком из Петербурга, куда он отправился хлопотать по делу своих однообщественников. После того, как состоялся над поверенными уголовный суд, они ушли к себе в деревню, и крестьяне решили не выдавать их, по всей вероятности, зная, что, кроме двух недель ареста, им предстоит еще административная ссылка. Исправник же, чтобы захватить их и сослать, решил воспользоваться состоявшимся над ними приговором об аресте и внушал крестьянам, что Цидиленков и Гаврюшкин должны отбыть наказание, наложенное на них по суду, и чтобы поэтому их выдали. Но крестьяне упорствовали. После долгих убеждений Гаврюшкин, наконец, согласился подвергнуться аресту и ссылке. Цидиленкова же три раза безуспешно пытались арестовать: всякий раз крестьяне собирались толпой и прогоняли урядников. Наконец, им удалось обманом, при помощи решительных людей, т. е. мелких ворюшек (по выражению урядника), захватить Цидиленкова. На время до отхода поезда (дело происходит около станции Краснослободск) урядники поместили Цидиленкова в доме управляющего на хуторе Барятинской. Крестьяне деревни Федоровки моментально узнали об этом и, собравшись толпой чел. в сто, явились на хутор, потребовали освобождения и, когда урядники медлили, стали ломать окна, кидать поленьями и т. д. Урядники испугались и выпустили Цидиленкова, которого крестьяне с песнями и криками „ура“ повезли с торжеством к себе. Через неделю в Федоровку прибыл губернатор с двумя ротами солдат и, после долгих и напрасных убеждений, арестовал человек 15 „зачинщиков“ и Цидиленкова. Крестьяне объявили, что они все освобождали и защищали Ц., и требовали, чтобы арестовали их всех. Исправник обещал им это, но когда из толпы вышли вызванные по именам „зачинщики“, то они были схвачены солдатами и отведены, а толпа разогнана.

«У нас теперь новый губернатор, который производит на всех весьма „отрадное“ впечатление... В речи, обращенной к собранным им земским начальникам, он, говорят, рекомендовал применять телесные наказания к крестьянам, причем уподобил их разного рода лошадям: английскую лошадь нельзя бить, а битюга можно и следует. Так и среди крестьян есть разные сорта. Нельзя ставить на одну доску зажиточного, почтенного крестьянина, у которого, может быть, дети учатся в гимназиях, который может ссужать деньгами и является истинной опорой порядка, смешивать их с беднотой, которая так и вожделем кого-нибудь ограбить из состоятельных...»

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Ростов-на-Дону. Город наш в настоящее время принял уже свой обычный вид. Стачка окончилась, работы производятся повсюду. Из требований, выставленных рабочими во время забастовки, удовлетворены самые ничтожные. Сменили только двух мастеров: Вицкевича и Чернявского, доктора Попова, расширили проходную будку в мастерские. Несмотря на это, а также на жестокие репрессии, которым подверглись забастовщики во время стачки и после нее (масса из них была выслана этапным порядком из Ростова), настроение среди рабочих в высшей степени приподнятое. Сознание моральной победы, а также необходимости сильной политической организации окрыляет более передовую часть рабочих. Остальная часть массовых рабочих также разбужена стачечными событиями, которые воочию показали, что сила рабочих — в их организованности. Последние события всколыхнули и наше обычательское болото. Администрация выбита из своей позиции и до сих пор не может оправиться. Хотя стачечные

события и закончились, но администрация все ждет их осложнений: так, здесь и до сих пор живут солдаты железнодорожного батальона, в вагонах; их пригнали сюда на работу, боясь полнейшего застоя. 6 декабря здесь на параде присутствовал знаменитый фон-Валь со своей свитой. По окончании всей процедуры он обратился с речью к присутствовавшим обывателям о том, что они не должны были принимать такого близкого участия в «бунте» и выражать свои симпатии «бунтовщикам». Этот царский са-трап выразил дальше свое удивление по поводу того известного факта, что жители Ростова «подданные царя», несмотря на то, что под каждым листком было напечатано «долгой самодержавие!», давали деньги и оказывали всякую помощь бунтовавшим. «Этого», мол, «не следует больше делать», так как «мы, т. е. я (фон-Валь) и все верные царю, не в силах будем справиться с „крамолой“, если только ее будет поддерживать сам же обыватель». Так поучал фон-Валь на параде 6 декабря своих «верноподданных», предлагая им свой союз для борьбы с «бунтовщиками».

Вообще симпатии обывателей к стачечникам страшно обескуражили администрацию, как в Ростове, так и в Питере, и фон-Валь, очевидно, был подослан фон-Плеве в Ростов со специальной целью выразить «высочайшее неодовольствие» жителям, осмелившимся поддерживать «внутренних врагов». «Высочайшие выговоры», как известно, теперь в моде...

Известно также, куда жандармы, туда и попы. Так, поп на Темернике, очевидно, чтобы подслушаться, подогреть свеще, вздумал в церкви также обличить крамолу. Он стал всячески чернить и забрасывать грязью рабочих, осмелившихся требовать себе прав и лучшей доли в жизни. Речь его была встречена глухим ропотом, и он сократился, не стал дальше пытаться «обличать». Во всяком случае такие попы нам на руку, они открывают глаза и посторонним людям на бесправное положение русского народа.

Л-й [Леонский-Л. Федорченко]

Одесса. В нашем городе в последнее время подвергаются большому обсуждению обывателей — по преимуществу бедняков — коренные реформы известного одесского чаеоторговца Высоцкого. Этот «столп промышленности» задумал и выполнил весьма остроумный план действия, чтобы избавиться от сознательных рабочих, освободиться раз и навсегда от стачек и требований увеличения заработной платы. Высоцкий считается у нас за одного из самых юрких дельцов, умеющего кого угодно обернуть вокруг пальца да еще так, что он, Высоцкий, всегда выйдет не только сух из воды, но приобретет еще славу отца-благодетеля «труждающихся и обремененных». Так и в этот раз. Он решил заменить всех рабочих в рассыпочном отделении девочками-подростками не старше 15 лет. Уволенные рабочие получали небольшое вознаграждение сверх жалованья, но за это они принуждены были давать подписку, что никаких претензий не имеют на своего «хозяина» за этот неожиданный расчет. Это увольнение рабочих произвело на них удручающее впечатление. Перспектива безработицы, а стало быть и голода для себя и для семьи, — достать работу особенно по чайному делу у нас теперь очень трудно, — повергла некоторых в полное отчаяние и двое из уволенных покончили с собой: один повесился, а другой распорол себе живот ножом. Вот одна сторона «реформы» Высоцкого. Другая же заключается в том, что вся еврейская беднота, которая здесь, особенно в последние годы благодаря кризису и застою в делах, дошла до невероятных размеров, бросилась в объятия алчного Высоцкого и привела к нему толпы своих детей — девочек, начиная с 12 лет. Высоцкий дает им нищенское жалованье в 7 руб. в месяц и кроме того обещает, по прошествии нескольких лет службы, — кажется, десяти, — выдавать 200 р. на приданое. Эти обещания столь заманчивы, что, повторяю, дети повалили валом со всех сторон к Высоцкому. Конкуренция так велика, что Высоцкий имеет возможность делать тщательный выбор. Ребенок рассматривается со стороны здоровья, чистоплотности, аккуратности в одежде и даже со стороны образования. Теперь принимают только со свидетельством об окончании народного, а то и четырехклассного училища. Мне из-

вестна одна еврейская школа, образцово поставленная, где детям выдают бесплатно пищу, одежду, лекарство, бесплатно обучают как общим предметам, так и ремеслу, и вот эта-то школа пользуется особенным «покровительством» Высоцкого: он принимает из нее девочек, даже не окончивших полного курса, «без аттестата». Соблазн заработка так велик, а нищета и нужда так безысходны, что из этой школы уже взяты родителями двадцать восемь девочек и отданы на эксплуатацию «благотворительному» Высоцкому. И вот, вместо того, чтобы получить более или менее сносное образование, аттестат, дающий права на повсеместное учительство в России (огромное право для еврейского пролетария), — эти несчастные девочки, вытасщенные Высоцким из училища, будут подвергнуты жестокой эксплуатации и через 3-4 года, несомненно, как «износившиеся», ничего не знающие, ни к чему не годные, больные и изнуренные, будут выкинуты этим «благотворителем»-капиталистом на улицу...

Как читатель видел выше, «благотворительность» Высоцкого уже повлекла за собой самоубийство двух кормильцев семей, и эти ужасные случаи не были опубликованы в одесских легальных газетах благодаря содействию нашего директора института дворников — графа П. П. Шувалова, перед которым Высоцкий всячески угодничает.

К и е в. (Из «Киевского Соц.-Дем. Листка», № 1). Положение типографских рабочих. В настоящее время в среде типографских рабочих наступило временное затишье. Несмотря на то, что условия труда в большей части киевских типографий крайне неудовлетворительны, в виду непомерной длины рабочего дня и низкой платы, — притеснения хозяев не встречают со стороны рабочих надлежащего отпора. Мало того, недостаток товарищества и готовности начать борьбу сказались на днях хотя бы в том, что 12 киевских типографщиков поехали в Житомир, по приглашению владельцев житомирских типографий, для того, чтобы заменить забастовавших там рабочих (см. особ. листок ком.). Причиной такого затишья и отсутствия дружного товарищества среди киевских типографщиков являются, отчасти, преследования правительства. Произведенные этой осенью аресты рабочих собраний в Головееском лесу и на Кожемякской улице, видимо, не прошли бесследно. Лишь организовавшись и примкнув к соц.-демократической партии, типографщики, как и все рабочие, получают возможность дружно отстаивать свои права против посягательств хозяев и начать борьбу с правительством, которое стоит им на пути к лучшей жизни.

К и е в. (Из «Киевского С.-Д. Листка», № 1). Положение рабочих во многих переплетных мастерских совершенно невозможное; так, напр., в переплетной Панько, нанимая рабочих, условливаются с ними на один месяц, но через неделю отказывают в работе. Обращения с рабочими ужасное: в переплетной Кушнарева работают на один час больше положенного, помещение для 10 чел., работают же в нем 18, плата не во-время. В других переплетных мастерских положение рабочих также невыносимо. Много безработных среди мастеров, так как повсюду работает много мальчиков, — по 18-20 час. в сутки. Нечего и говорить, что недавно опубликованные киевским губернатором Треповым правила о 10-часовом рабочем дне нигде не исполняются. Да оно и понятно, так как единственной целью их издания было, очевидно, желание губернатора выказать лицемерную заботливость о рабочих для предупреждения их недовольства. Ближайшим же поводом их опубликования была стачка портных. Г. Трепову не мешало бы вспомнить, все-таки, что даже градоначальник города Глухова руководствовался мудрым правилом: «всуде законы писать, ежели их не исполнять».

Чернигов. Стачка портных в г. Нежине, о которой было сообщено в № 27 «Искры», окончилась победой рабочих. Момент для стачки был выбран очень удачно: сезон заказов побудил некоторых хозяев уступить немедленно; другие же хозяева, подождав некоторое время в надежде, что полиция им поможет, также в конце концов

должны были уступить требованиям рабочих. Сочувствие публики было на стороне рабочих. Поступили со стороны пожертвования в пользу стачечников. Между прочим, в числе пожертвований из Чернигова поступило 10 р. «от офицера». Среди стачечников обращали на себя внимание две немые работницы, с большою охотою и энергией примкнувшие к забастовавшим. Рассказывают, что эти немые проявили необычайный интерес к стачке и вообще к делу забастовавших рабочих. Возбуждение и повышенное настроение, проявившиеся во время стачки среди рабочих-портных г. Нежина, передались и этим двум работницам, обиженным природой... Стачка была ведена самими рабочими. По словам рабочих, там сильно чувствуется отсутствие интеллигентного руководителя. Требуется агитационная литература, а ее как раз в городе и нет.

Тифлис. В конце августа здесь бастовали рабочие механической обуви Адельханова. Поводом послужил вычет из заработной платы, произведенный за «самовольное» празднование рабочими одного праздника. В сентябре забастовали рабочие табачной фабрики Базарджянца. Причина стачки не известна.

В сентябре же была стачка портных, занятых в пяти главных здешних мастерских дамского платья. Рабочие — в числе 130 (грузины и армяне) — одновременно приостановили работу, предъявив мастерам ряд точно сформулированных требований. Главными из них были: установление постоянных расценок, распределение работы между всеми рабочими так, чтобы холостым был обеспечен еженедельный минимум в 4, а женатым в 5 р.; более правильное распределение работы между «сезонным» и «мертвым» временем, так, чтобы на последнее время было перенесено производство «готовых» платьев, и, наконец, обязательство не увольнять рабочего без предупреждения за две недели. Рабочие проявили большую солидарность и держались три недели. В конце концов хозяева уступили по всем пунктам, настаивая только на том, чтобы обязательство о предупреждении за две недели о нарушении договора было принято на себя и рабочими.

Стачкой портных руководили Комитет Партии и армянская социал-демокр. группа, позднее вступившая в комитет.

Тифлис. Последние месяцы у нас в Тифлисе ознаменовались целым рядом покушений выведенных из терпения рабочих на старших мастеров. Читателям нашим уже известна достойная казнь начальника Закавказских жел. дор. Веденеева. До сих пор лицо, убившее его, не разыскано, несмотря на все старания местной полиции. Достойный заместитель его, инженер Ивановский, начал свою деятельность с того, что приказал ограничить прием на службу по железной дороге женщин и, если возможно, то вытеснить женщин из наличного состава. Второй мерой, не уступающей первой по своей культурности, было ограничение в приеме в мастерские железной дороги рабочих-кавказцев и запрещение назначать их на должность старших мастеров.

Боясь подвергнуться участи своего блаженной памяти предшественника, Ивановский пытался расположить к себе местных рабочих жалкими подачками в виде проведения водопроводов на заводы и прочих мелочей. Однако, эти жалкие паллиативы не возымели желанного действия.

Возмущенные самодурным произволом старших мастеров и администрации, рабочие послали предостерегающие письма наиболее отличавшимся самодурам. Однако, это не подействовало. Тогда рабочие прибегли к расправе «своими средствами». Вместо изложения последующих событий, мы приведем пресловутый приказ по этому поводу, циркулярно пущенный Ивановским:

«М.П.С. Закавказские жел. дор. Приказ по главным тифлиским мастерским. № 280, 3 августа 1902 г., г. Тифлис.

В течение последнего времени в жизни главных мастерских произошли крайне прискорбные события: толпой вооруженных людей избит бригадир столярного цеха Царев; таким же образом избит бригадир кузнечного цеха Данилюка, намереваясь избить старшего рабочего товарного цеха Сошкина, и, наконец, 31 июля злодейски убит старший литейщик Плотно. Так как во всех этих случаях нападения

были произведены не с целью ограбления, то очевидно, что нападающие были руководимы какими-то особыми целями и, несомненно, принадлежали к составу незначительной части рабочих или мастеровых главных мастерских. Все эти случаи повергают меня в глубокое огорчение. Вступая в управление дорогами, я посетил мастерские, где был радужно (?? Ред.) встречен хлебом-солью, и надеялся, что жизнь в мастерских будет протекать мирно. За короткое время управления моего дорогами мастеровые могли убедиться, что начальство вникло в их нужды (похоже на то! Ред.). Я укажу на три ближайших примера, которые, разумеется, известны мастеровым:

«1) 640 чел., замешанных в беспорядках 1900 г., прощены и им возвращены утерянные ими весьма ценные права (а администрации возвращено ценное право эксплуатировать рабочих по-старому! Рабочих вернули, потому что без рабочих дорога встала, а г. Ивановский нашел тут какую-то заслугу. Ред.). 2) Как только оказалось, что вода, привозимая со ст. Мцхет в мастерские, не вполне прохладна и прозрачна, — начальство не остановилось перед крупным расходом, чтобы в течение десяти дней организовать привоз прекрасной воды со станции Ксанка, а пока это было устроено — вода доставлялась бочками из тифлисского городского водопровода. 3) Лишь только сделалось известным, по заявлению одного из цехов, что не все мастеровые и рабочие желают посещать вечерние работы, тотчас же сделано распоряжение, чтобы по возможности (т. е. по усмотрению тех же мастеров? Да это же прямое нарушение закона, который требует, чтобы всегда и исключительно, а не только „по возможности“ привлекали лишь добровольно желающих на вечерние работы! Г. Ивановский сам признается в нарушении закона и имеет еще дерзость хвастаться тем, что он велел нарушать закон „по возможности“ реже. Ред.) к таковым привлекать лишь добровольно желающих выполнять эти работы.

«Кроме того начальство озабочено открытием с осени настоящего года обширной дешевой столовой в вагонном сарае (сарай, конечно, самое место для столовой «черного народа»! А не хочет ли также г. Ивановский воспользоваться „столовой“ для провокаторства и шпионства? Ред.) на станции Тифлис, с целью дать возможность бессмейным и вообще всем желающим мастеровым и рабочим получать дешевую, здоровую пищу, даже в кредит (не хочет ли еще г. Ивановский облагоустроить рабочих новым видом расплаты товаром? Ред.).

«Но все эти заботы и старания начальства остаются как бы без всякого понимания, и я с горечью вижу, что преступная работа злонамеренных лиц приносит печальные плоды. Обращаясь к благоразумию всех и в особенности старейших мастеровых и прошу оказать влияние на ту часть, надеюсь, немногих, которые бросают на наши главные мастерские тень как на какой-то притон, где из-за угла убивают и даже убивают своих же сотоварищей (?? Ред.). Считаю необходимым предупредить, что такое положение дела может привести к неисчислимым бедствиям и потерям самих же мастеровых и рабочих. — Начальник дорог, инженер И. Ивановский, правитель канцелярии Григорьев».

Однако этот приказ подлил масла в огонь. Не далее как 23 ноября был ранен пулей в столярной мастерской старший мастер Блюмберг за выдачу товарищей рабочих организаций. В воскресенье, 24 ноября, на вокзале собралась тысячная толпа провожать высылаемых из местной Метехской тюрьмы товарищей. Не обошлось при этом без стычек с жандармами, из которых один серьезно ранен пулей. Арестовать не удалось никого, так как толпа энергично защищала товарищей. В четверг, 28 ноября, был контужен пулей мастер Чепурнов, тоже за провокаторство. И, наконец, в среду, 4 декабря, контужен пулей начальник депо Шпиганович. Настроение крайне приподнятое. Паника среди чинов администрации. Ожидаются более серьезные события. Начальник дорог Ивановский экстренно вызван в Петербург.

Крайне печально, что вся эта стихийная сила неудовольствия не находит более целесообразного выражения. Чувствуется сильный недостаток в интеллигентных руководителях, чтобы направить все эти ключом бьющие силы в одно общее русло всероссийского рабочего движения.

Полиция начала повальные обыски, но все мимо. Иногда прямо-таки смешно, у кого только не делает она обысков, иногда даже с арестами.

Мы надеемся, что русская рабочая партия обратит внимание на положение дел в Тифлисе и выделит из своих рядов опытных руководителей для пополнения нашего Комитета, оставляющего еще многого желать, так как от этого зависит успех дела на всем Кавказе.

Екатеринбург (Пермской губ.). Среди заводских рабочих в конце ноября замечено сильное брожение, вызванное сокращением работ на горных заводах. Масса осталась без работы, на улице. Кризис в этом году здесь жестокий. Ждут осложнений недовольства среди рабочих. Полагают, что возможно ждаться повторения «ростовских событий», поэтому предупредительное начальство «на случай чего жежи» двинуло в Екатеринбург целую дивизию солдат, которые, очевидно, будут насыщать голодных прикладами и пулями...

Алопаевский завод (Верхотурского уезда, Пермской губ.). Приводим целиком (исправив лишь орфографию) письмо одного местного рабочего, пересланное нам без всяких дополнительных сведений: «Уведомляю, товарищи, что здесь, в д. Алопахе, разыгралась одна из драм, без которых не обходится ни одно движение: они напали на несколько частей рудников, сделали разрушения и грабежи; никакие веские доводы ни к чему не привели: доволно, говорят, натерпелись. Что вперед будет, не знаю. Первые удары грома и молнии революционеров стоят жертв. Взято пять человек, в том числе Гав. Ив. Кабаков, патриархальный тип крестьянина. Да, кулак самодержавия бьет прямо сверху... Народ обездолен; не может выносить экономической борьбы (автор хотел, видимо, сказать: не может ограничиваться экономической борьбой Ред.), да и верно. Братья, она не по силам, везде слышится глухой рокот волн народных. Братья, у нас не хватает литературы. Уральский Союз молчит; везде просят почитать книжонки, в которых описывается про жизнь рабочих. Шпионов много, — здорово следят, но да я еще покуда на свободе, на зло врагам народа. Работа плохая, заработок мал, кое-как бьемся, да покуда не помрем, все равно будем бороться. Братья, пишите, что Урал движется, посылайте «Искру» или «Жизнь». Наши обрадуются, что дело наше известно всем товарищам».

Вильна (из № 104 «Последних Известий» «Бунда»). Драконовский приговор виленским демонстрантам. Ботвинник и приказчик Вейнбрем, обвиняемые в ношении знамени, приговорены к двум годам Креста; 4 человека, подозреваемые в разбрасывании первомайских карточек в театре, ссылаются в Сибирь; Певзнер (акуш.), Немзер (акуш.), Рехес (дантист) — на 5 лет, Альфес (дантист) — на 9 лет.

Ковно (из № 104 «Посл. Изв.» «Бунда»). 14 декабря у нас были два собрания (по 160 на каждом), посвященные памяти декабристов. Первая речь была на тему «Декабристы и их время». Были и другие речи. Сошло очень живо. Собрано на нужды политической агитации 20 руб.

ИЗ ПАРТИИ

К ВОПРОСУ О МЕСТНОЙ РАБОТЕ.

Мне хотелось бы сказать несколько слов по поводу только теперь, по приезде за границу, попавшегося мне в руки «Письма к товарищам-пропагандистам» — авось чресчур нескороый отклик, может быть, все-таки не будет запоздалым.

С живым интересом читается эта брошюра, в которой рисуется неприглядное положение у нас дела устной пропаганды и дается посильное решение вопроса о постановке

этого дела, но решение это, близко подходящее к истине, к сожалению, страдает большой незаконченностью и не совсем еще отделилось от традиционного взгляда на устную пропаганду.

Авторы «письма», руководя до поры до времени кружками рабочих, вдруг в одно прекрасное время были смущены тем, что интеллигенты, находившиеся к рабочим в отношении пропагандистов, не знали, что делать и как быть, когда в феврале и марте всколыхнувшиеся массы, «толпы народа, точно выросшие из недр земли, с восторгом встречали (нас) „студентов“ как вождей своих, предлагали (нам) силу и руки». Обратившись к причинам, которые не дали „студентам“ откликнуться на этот призыв, авторы «письма» увидели их в том, что, при настоящем положении дела кружковой пропаганды среди рабочих, пропагандисты не только ничего не дают рабочим — авторы «письма» изображают безрезультатность занятий в кружках, — но настолько далеки от них, настолько не близки с ними, что совершенно незнакомы с их настроением и в силу этого, разумеется, откликнуться на него во-время не в состоянии, с другой стороны, благодаря такой постановке пропаганды комитеты не могли создать подходящей организации рабочих, которыми могли бы воспользоваться в каждый данный момент. След., остается известным образом изменить постановку пропаганды, чтобы достичь и одного, и другого, и особенно третьего. Что же для этого предлагают авторы «письма»? Вместо теперешней кружковой работы, при которой пропагандист подолгу засиживается в одном и том же кружке и лишен вследствие этого возможности видеть настолько достаточное количество рабочих, чтобы познакомиться с ними хорошо, — вместо такой работы авторы «письма» рекомендуют, разделив рабочих на «агитаторов» и на «массу», с первыми заниматься по самой широкой программе, а среди широкой массы устраивать кружки, в которых читать 3-4 лекции (на темы: 1) борьба классов, 2) необходимость борьбы с правительством, 3) Росс. С.-Д. Раб. Партия и тактика ее) и затем передавать эти кружки рабочим-агитаторам, через которых интеллигенты сносятся потом с этими кружками, передавая туда литературу от комитета, подготовляя их через рабочих-агитаторов к демонстрациям, протестам и т. д. Члены массовых кружков, в свою очередь, привлекают в партию лиц — из неорганизованной рабочей массы. Таким образом к услугам комитета будут революционные организации, которыми они и пользуются. Это создало бы «постоянную и не фиктивную революционную организацию, охватывающую десятки тысяч рабочих, опираясь на которую можно было бы начать штурмовать крепость самодержавия...», говорят авторы «письма». Значит, комитетам нужно создать таких два типа кружков рабочих с целью личной в них пропаганды, уделяя много личного внимания первому типу, и второму очень небольшое личное, а воздействуя главным образом путем соответствующей литературы. Вот в кратких чертах «письмо», если опустить некоторые детали его.

Раньше всего скажу мимоходом, что тот переполох, который произошел среди интеллигентов, когда рабочие предложили им «вести» их, и отсутствие отклика, последовавшее в силу этого, произошел, правда, благодаря отсутствию соответствующей организации, но не рабочей, а организации вообще, всей действующей организации.

Постановка пропаганды, таким образом, не может решить вопроса о готовности и возможности комитета откликнуться на требования жизни — это скорее вопрос об организованности, приспособленности организации к форм деятельности. Что же касается утверждения «авторов», что быстрые переходы интеллигенции из кружка в кружок дадут им возможность познакомиться с массой, улавливать ее настроение, то вряд ли такие мимолетные столкновения с рабочими дадут такую возможность — если полгода работы в кружке не дает этой возможности, то чего ожидать от 3-4 лекций! Но это все мимоходом.

Мне хочется высказаться специально по вопросу о пропаганде, так как думаю, что точка зрения при решении вопроса о пропаганде должна быть совсем другая, нежели та, которую выставляют авторы «письма».

Авторы «письма» несомненно сделали громадный шаг вперед, став, с одной стороны, в отрицательное отношение

к той постановке пропаганды, которая у нас практикуется, и, с другой стороны, предлагая ввести кружки «агитаторов». Совершенно верно, что постановка пропаганды требует реорганизации. В действительности дело обстоит, может быть, еще хуже, чем рисует «письмо». Мало того, что, как признает и «письмо», это долгое засиживание в кружках при занятиях по широкой программе дает очень мало в результате даже при том благоприятном условии, которое присутствует у «авторов» в их рассуждениях об интересующем нас вопросе, — я имею в виду занятия, которые ведутся людьми, достаточно подготовленными для этого, по программе, в той или иной мере систематические — мало того, что мы даже и при этом условии, надо признаться, топчемся на одном месте, — если вспомнить, что в действительности большинство молодежи, выступающей в роли пропагандистов, мало подготовлены к ней, просо таки в смысле знаний, что занятия ведутся часто бессистемно, без ясного представления цели их и тех задач, которые пропаганда должна преследовать, подчас без программы или придерживаясь уже устарелой системы передачи рабочим разрозненных сведений по политической экономии или просто вертяться вокруг да около неизменных «Кто чем живет», «Рабочий день» и т. д. в этом роде, то можно представить себе, насколько дело обстоит плохо. Необходима реформа этой области, необходимо установить даже систему занятий. Но в каком направлении произвести реформу? Что принять за исходный пункт?

Та форма, в которую вылилась рекомендуемая брошюрой организация этого дела, могла бы с оговорками, впрочем, может быть, существенными, показаться удовлетворительной. Но нужно, повторяю, существенно видоизменить точку зрения на пропаганду личную, кружковую, а ее-то именно и имели в виду авторы «письма» — и уж во всяком случае точно формулировать ее. Мы до сих пор плохо уяснили себе, что теперь, когда фактически — как бы она ни была поставлена плохо — имеет и может иметь место только широкая литературная пропаганда в массах, что теперь кружковая пропаганда не может иметь того значения, какое придавалось ей в то время, когда широкая массовая пропаганда еще не велась. Фактически она вытесняется все больше и больше, но мы все еще, несмотря на наше тяготение к массовой пропаганде, не отделались от старого, традиционного взгляда на кружковую пропаганду. Все это происходит от нашей неорганизованности. в силу которой мы не умеем еще обнять весь действующий механизм, составные части которого занимают то или другое место.

И авторы «письма», с одной стороны, как бы отказываются от старой точки зрения на пропаганду, когда указывают на невозможность заниматься по обширной программе, и предлагают серьезную работу только с «агитаторами», но, с другой стороны, они ее вновь незаметным образом вводят, когда рассматривают кружковую пропаганду с точки зрения задачи комитетов, которую они определяют как «вливание на массы и организацию этих масс в революционную партию». Что это такое как не старозаветный взгляд? Конечно, теперь не те времена, когда можно думать, что эта задача может быть достигнута путем пропаганды в кружках. Авторы «письма» и выдвигают литературную пропаганду, но это не заставило их, повидимому, отрешиться еще и от старого взгляда на кружковую пропаганду. А смутность, невыясненность точки зрения не позволила им дать и выраженное, законченное решение вопроса, хотя они все-таки несколько подошли к нему, когда имели в виду образование «агитаторов». И хотя вопрос не исключительно в выработке «агитаторов», но в выработке среди рабочих лиц, сознательно действующих в организации, чем бы они в ней ни были, но, только подойдя к этой точке зрения, авторы «письма» становятся на правильный путь. Кружковую пропаганду можно рассматривать только с точки зрения образования и постоянного поддержания известного контингента лиц среди рабочих, лиц, которые в состоянии войти в организацию как сознательно действующие в ней. Но если это так, то по вопросу о личной пропаганде необходимо поэтому точно и ясно высказаться в том смысле, что вопрос о кружковой пропаганде есть, в сущности, вопрос организации; сама по себе, как достаточно ясно свидетель-

ствуется и «письмо», как пропаганда по существу, кружковая пропаганда значения не имеет и должна быть изгнана из практики, ибо вопрос о поднятии масс на довольно значительный умственный уровень мы с нашими силами решить не можем, но за ней остается значение в том смысле, что при ее посредстве мы можем выработать известный контингент сознательных рабочих для действующей организации из подходящих для этого лиц.

И с этой точки зрения, точки зрения организационной, а не с точки зрения «развития», и приходится ее рассматривать и так или иначе приурочить к ней и программу занятий, в которой, может быть, непропорционально видное место придется уделить вопросам тактики, организации, конспирации, а вообще не очень засиживаясь в кружке, ограничиваясь лишь известной более или менее минимальной программой. Мимоходом скажу, что гораздо больше широкой программы имеет значение приучение к самостоятельной работе, которая одна и гарантирует успех работы и продолжение ее по выходе из кружка.

От этих колебаний и неясности взгляда на кружковую пропаганду необходимо отделаться. Если можно так или иначе принять выставляемую «письмом» вторую сторону вопроса — организацию, только не рабочей массы, а «агитаторов», то приходится наотрез отказаться от первой — кружковой пропаганды в массах — и резко формулировать свое отношение к вопросу. Таким образом, кружковая пропаганда войдет в довольно тесные пределы. Точно уяснив себе эту точку зрения, отстранившись от всяких в ее отношении колебаний, мы не станем тратить лишние силы на кружки. Определить количество нужных для этого интеллигентных сил — дело руководящих организаций, комитетов. Но правильную перспективу при распределении работающих сил и в том числе и сил, направляемых в кружки, можно будет соблюсти только тогда, если мы будем обладать хорошо сформированной действующей организацией. Таким образом, разрешение вопроса о кружковой пропаганде на практике в значительной мере зависит от разрешения вопроса об организации вообще, которое еще ждет своей очереди. Пока не будет решен этот вопрос, до тех пор и кружковая пропаганда, вместе с другими видами революционной деятельности, будет идти вразброд. Надо начать с организации — это первый и самый насущный для нас вопрос.

После всего изложенного понятно, что в отношении кружковой пропаганды можно говорить только о рабочих кружках первого типа, совершенно отказавшись от кружков второго типа, в которых, к слову сказать, прочтение 3-4 популярных лекций даст очень, очень мало, так как там необходимо долгое и постоянное воздействие. Это возможно только при помощи подходящей популярной литературы.

Что эта же «масса» может в известной своей части быть организована в кружки рабочими с целью создания сознательного ядра, которое может проявлять планомерные действия — это уже другой вопрос, и поскольку авторы «письма» имели это в виду, они, конечно, правы.

Мы напечатали без всяких изменений эту статью, желая дать подробнее высказаться всем оттенкам мнений по важному практическому вопросу. Автор прав, по нашему мнению, поскольку подчеркивает необходимость особенно иметь в виду цель выработки из «кружковых» рабочих лиц, способных войти в организацию. Эта сторона дела действительно наиболее отстала у нас, и ее стоит особенно подчеркнуть, но при этом не надо забывать, конечно, и о целях пропаганды самой по себе. Автор, в слишком абсолютной форме, осуждает кружковую пропаганду вообще, сводит ее исключительно к «организационному вопросу», отвергает совершенно чтение по 3-4 лекции во многих кружках и т. п. Это неверно в такой абсолютной форме, но это, конечно, не какое-либо разногласие по существу, а только результат желания особенно выпукло оттенить одну сторону дела. И именно эта сторона действительно приобретает теперь особенное значение в общепартийной работе.

Р е д.

Нас просят поместить следующее сообщение из Женевы:

16 января, ⁹ после окончания дебатов по поводу сообщений, сделанных ростовскими товарищами-рабочими о последних событиях в г. Ростове-на-Дону, присутствовавшим в зале заседания большинством, состоящим из 93 человек, была принята нижеследующая резолюция:

«Присутствующие на собрании в г. Женеве 16 января 1905 г. ⁹ выражают самое полное и самое искреннее сочувствие свое ростовским рабочим, которые своей энергичной борьбой дали новое, блестящее доказательство политической зрелости русского пролетариата. Они считают своей нравственной обязанностью всеми своими силами служить делу политического и экономического освобождения этого пролетариата, которое является в то же время делом освобождения всего трудящегося населения России. Они выражают свое презрение и свою ненависть к царскому правительству, которое держится лишь посредством грубого насилия и вопиющего нарушения всех прав человека и гражданина».

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

С 23 на 24 декабря в Нижнем-Новгороде были обыски и аресты. Взяты: бывш. курс. Геринг, учит. Никитина, женщ.-врач Бродская, купец Позняк, хоз. часового магазина Перельман. Еще сельский учитель Бочкарев (из подгородного села Пегор). Был обыск у хозяев аптекарского магазина Зуль. Публика по поводу этих арестов недоумевают. Недавно взят на улице с прокламациями реалист 5 кл. Нефедов. В декабре было взято 6 рабочих из молитовской льнопрядильни, но вскоре выпущены, за исключением двух. Недавно же взят сормовский рабочий Шорин. — Рига. В течение октября и ноября 1902 г. в местные тюрьмы прибыли и выбыли из них следующие лица: следств. тюрьма: Израиль Абелев, мясник, прибыл 21 окт. и выбыл 15 нояб., Шмуйла Янкелев Гольдкин выбыл 6 нояб., Шолом Янкелев Баркан выбыл 15 нояб.; губернс. тюрьма: Генег Янкелев Каган 12 окт. прибыл и выбыл 15 нояб., Сруль Абрамов Хмельницкий арест. 14 окт. на пароходе «Остзе» по прибытии в Ригу (по слухам с литер.), выбыл 19 нояб.; женск. тюрьма: Наталия Цирит с 3 нояб. — 6 мес. тюремного заключения. 18 дек. арест. в Риге ученик Митавск. горного учил. Дикман, по распоряжению митавск. жанд. Кладо, по доносу анненбургского урядника за некрасовские стих., 24 дек. выпущен под залог 500 р. — 5 нояб. на Финл. ж. д. с некоторым количеством № 10 «Рев. Росс.» учитель Скаличев и курсистки Гокова и Надбель. — Казань. В ночь с 22 на 23 декабря произведены несколько обысков, результатом которых был арест следующих лиц: бывш. студ. Н. А. Кроленицкий, бывш. студ. Ю. А. Кроленицкий, бывш. студ. Кибардин, студ. медик Витман, студ. Харьковск. техн. инст. А. М. Горохов, раб. Беляевский, курс. зубоврач. школы Солонина и Деканова, слуш.-ца фельдш. курсов Леви.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Автору корреспонденции из Панютина. Просим писать. По поводу вашей жалобы немедленно сделали запрос в тот город, где был товарищ за литературой. Надеюсь, что это ошибка или недоразумение.

Дусе. Письмо получено. Первый адрес не разобран. Повторите. Сообщите также адрес для писем вам, а то не можем ответить.

Шварцу. К сожалению, не можем пока исполнить вашей просьбы, так как не имеем еще вашего ключа.

Недоумевающему (в Либаве). Повидимому, вы очень неправильно поняли то, о чем пишете. Выскажитесь обстоятельнее и постарайтесь дать адрес для ответа.

Получено: от Ф. Р. 9,65 м., от Ш. 20 мар., от Кост. 20 фр., от «земляков» 100 р., от NNN 15 р., из Ма. 33 м., собранные на реферате. Из Л. через Матвеевскую 16 м. в пользу ростовцев, за литер. 148,75 м., от Х 8 мар., от Матв.—ой 5 м., с реферата 11,25 м. Через Цюрих: для Сиб. Кассы из Давоса через Г. А. по листу № 94 100 фр. Из Вены через В.: с вечеринки 14 фр., за литературу 13,62 фр., немцы — ростовцам 11 фр., с реферата 8,34 фр. Из Давоса за литературу 4,60 фр. Из Назарета от друга «Искры» 50 р.

Из Цюриха с реферата 75,10 фр. От барона 22,15 фр. Из Цюриха за литературу 38,60 фр.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. «Организ. Комитет» по созыву II съезда Р. С.-Д. Р. П. был впервые создан на Белостокской конференции, состоявшейся в конце марта 1902 г. Но в апреле 1902 г. почти все участники конференции были арестованы и «О. К.» вскоре распался. В напечатанном в № 32 «Искры» «Извещении» речь идет об «О. К.», основание которому было положено на Псковской конференции (2—3 ноября 1902 г.), в которой принимали участие представители «Искры» (И. И. Радченко), «Южного Рабочего» (С. Левин) и Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (В. П. Краснуха). На эту конференцию было послано приглашение и Бунду, но его представитель не явился, благодаря чему Бунд впоследствии оспаривал правомочность конференции и выбранного ею «О. К.». Затем после долгих переговоров представитель Бунда К. Портной вошел в «О. К.». Организованный на Псковской конференции «О. К.» первоначально состоял из трех лиц (Радченко, Левин и Краснуха), которые кооптировали в свой состав Ф. В. Ленгника, Г. М. Кржижановского, П. А. Красикова, П. И. Лепешинского и А. М. Стопани. Но уже 4 ноября Радченко, Краснуха и Лепешинский были арестованы, что все-таки не помешало «О. К.» энергично развивать свою деятельность, закончившуюся, как известно, созывом II съезда Р. С.-Д. Р. П. Позже в «О. К.» были кооптированы В. Н. Розанов (из группы «Южн. Рабочего») и Александрова. На-ряду с подготовкой съезда «О. К.» выполнял временно — до образования съездом партии Центрального Комитета — общепартийные функции. Социал-демократические организации одна за другой выступили на страницах «Искры» со своими приветствиями «О. К.» и признали его инициативу по созыву общепартийного съезда. После ожесточенной полемики и Бунд счел необходимым послать в «О. К.» своего представителя (К. Портного). Только Воронежский Комитет, во главе которого стояла ярая «экономистка» Лидия Махновец, ответил на образование «О. К.» злобной и неумной выходкой, — изданием полного инсинуаций и ругательств воззвания с протестом против «Извещения» Организационного Комитета. Последний дал на это воззвание ответ в № 36 «Искры», отметив в нем печальное одиночество Воронежского Комитета. Что касается общепартийных функций «О. К.», то право на них признали все организации Р. С.-Д. Р. П., обещавшие ему свою поддержку в деле созыва II съезда партии, за исключением Одесского и Николаевского Комитетов.

Прим. 2. Здесь имеется в виду «Манифест Р. С.-Д. Р. П., опубликованный после I съезда (1898 г.).

Прим. 3. В конце марта 1902 г. состоялась конференция в Белостоке, на которой присутствовали представители «Бунда»: «Заграничного союза с.-д.», «Южного Союза», Петербургского Комитета, Екатеринославского Комитета и «Искры». Конференция не пришла ни к каким положительным решениям и постановила лишь выбрать Организационный Комитет по созыву II съезда из представителей от участвовавших организаций. Вскоре после конференции были арестованы почти все участники ее и избранный «О. К.» распался.

Прим. 4. См. прим. 5-е к № 2 «Искры».

Прим. 5. Ц. К. объединенных южных комитетов и организаций с.-д. — организация на юге России, образовавшаяся к началу 900-х годов.

Прим. 6. В конце января 1902 г. состоялся 1-й съезд представителей южных комитетов и организаций Р. С.-Д. Р. П., организованный по инициативе группы «Южный Рабочий». Большинство участников съезда стояло на позиции, близкой к направлению «Искры». В порядке дня съезда стоял вопрос о выработке партийной программы. Съезд единогласно постановил, что «выработка точной программы есть дело общепартийное и требует предварительного обсуждения в отдельных организациях и в партийной печати, съезд находит возможным отказаться от выработки подробной программы и ставит этот вопрос на очередь в ближайшем будущем». После обсуждения ряда принципиальных вопросов: сущность самодержавия, экономическая борьба и т. д., съезд постановил образовать объединенную социал-демократическую организацию южного района, принявшую название «Союз Южных Комитетов и Организаций Российской С.-Д. Р. Партии». Наибольшие разногласия возбудил вопрос о «сущности самодержавия». В результате прений большинство и меньшинство приняли различные резолюции. Съезд однако особым голосованием единогласно принял, что различие взглядов по этому вопросу не может служить препятствием к совместной работе в пределах объединенной организации. По вопросу о политической борьбе съезд принял след. резолюцию: «Заявляя свою солидарность с „Манифестом Р. С.-Д. Р. П.“ (1898 г.) и с основными традициями русской соц.-дем., мы признаем ближайшей политической задачей рабочего класса в России низвержение самодержавия, как необходимое предварительное условие его полного социального освобождения. В борьбе за политическую свободу необходимо сохранить за движением его классовый характер».

Прим. 7. См. прим. 1-е к № 24 «Искры».

Прим. 8. См. «Искра» № 16, стр. 5. «Из нашей общественной жизни».

Прим. 9. Так в оригинале.